

*В.И. Петрушко**

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ, МОСКОВСКИЙ СОБОР 1441 ГОДА И НАЧАЛО АВТОКЕФАЛИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

В статье дается объективный анализ обстоятельств обретения Русской Православной Церкви автокефалии и убедительно опровергаются аргументы и спекуляции современных сторонников автокефалистского раскола на Украине и претензии представителей Константинопольского Патриархата на вселенскую юрисдикцию.

В историческом контексте показаны истинные причины ферраро-флорентийской унии и мотивы, которыми руководствовались ее сторонники, а также роль Московского великого князя и восточно-русских иерархов в деле сохранения Православия в условиях церковно-политических нестроений середины XV в.

Ключевые слова: митрополит Иона, митрополит Исидор, Василий II, Ферраро-Флорентийский собор, уния, автокефалия, Московская митрополия, император Иоанн VIII, папа Евгений IV.

* Автор — доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета.

Обстоятельства, при которых Русская Православная Церковь обрела автокефалию, к сожалению, и сегодня, как и в прошлом, чаще остаются темой для политических спекуляций, чем предметом объективного анализа. Если во второй половине XV — начале XVI века Константинопольская Патриархия основывала на обвинениях в адрес Московской Митрополии свои юрисдикционные притязания, то сегодня далекую от адекватности оценку событий середины XV века нередко используют для оправдания своих действий украинские раскольники-автокефалисты и иные поборники этно-филетизма. При этом, однако, как правило не обращается внимания на то, что в отличие от ситуации, в которой обрели или возобновили свою самостоятельность, к примеру, Болгарская, Румынская или Сербская Церкви, Русская Церковь стала автокефальной отнюдь не из-за стремления к независимости как таковой, но ради того, чтобы сохранить верность Православию.

1

После того как в Москве стало известно о гибели митрополита Киевского и всея Руси Герасима, казненного в Литве по приказу великого князя Свидригайла Ольгердовича, в Константинополь для поставления на Русскую митрополию был отправлен епископ Рязанский Иона. Приезд Ионы в столицу Византии следует датировать концом 1436 или самым началом 1437 года. Но к тому времени Патриарх Иосиф II уже поставил на Киевский митрополичий престол грека Исидора. Ионе же в византийской столице разъяснили, что он не успел прибыть на хиротонию вовремя, но, тем не менее, пообещали, что после кончины Исидора он непременно унаследует митрополичий престол¹. Иона возвратился на Русь в свите нового митрополита тем же, кем был прежде, — епископом Рязанским². Оба архиерея прибыли в Москву 2 апреля 1437 года, *«в вторник светлыя недели по Велице*

дни»³. Василий II был недоволен поставлением Исидора и даже подумывал о том, чтобы прогнать нового митрополита, назначенного без его согласия⁴. Но, в конечном счете, великий князь счел за лучшее сдержать свои эмоции и признать Исидора законным главой Русской Церкви.

Совершая поставление Исидора⁵ на Русскую митрополию, в Константинополе сознательно пренебрегли мнением великого князя Московского, хотя и шли при этом на определенный риск, так как митрополита, поставленного без согласия Василия II, в Москве могли отвергнуть. Но греки предпочли не рисковать в другом: на Русской митрополии в тот момент им был нужен человек вполне определенных убеждений, который бы гарантированно и безусловно поддержал планируемую византийцами унию с Римом, — слишком уж велико было как политическое, так и экономическое значение Руси для угасающей Византийской империи и Константинопольской Церкви.

К тому времени некогда великая империя представляла собой жалкое зрелище. Ее размеры в первой половине XV века сжались до пределов Константинополя и Фессалоник с их ближайшими окрестностями, Морейского деспотата на Пелопоннесе и нескольких островов в Мраморном и Эгейском морях. В столице Византии царил ужасающая нищета. Население уменьшилось во много раз по сравнению с временами расцвета империи. Целые кварталы огромного города лежали в руинах и пустовали, в том числе — Большой императорский дворец. Практически отсутствовало войско. Гигантские по протяженности стены Константинополя, по сути, некому было оборонять. Былая гордость империи — византийский флот давно прекратил свое существование. Императоры к тому времени уже давно признавали себя вассалами османских султанов⁶. Повсюду были видны признаки агонии и приближающегося конца тысячелетней империи.

Летом 1422 года султан Мурад II впервые осадил Константинополь. Турки предприняли штурм города,

который византийцы отбили с большим трудом и потерями. Город спасло лишь то, что Мурад был вынужден снять осаду из-за мятежа в тылу. Агрессия османов в направлении Запада была стратегией, на которой было построено их военное по своей сути государство. При этом турецкая мощь была несопоставима с силами угасающей Византии. Но Московская Русь, вынужденная бороться против Литвы и Орды, помогая Византии деньгами, не могла оказать ей военной помощи. Греки надеялись получить ее от Запада, наивно полагая, что католический мир не останется равнодушным к их судьбе.

В 1424–1425 годах император Иоанн VIII принял поездку по Западной Европе, посетив Венецию, Милан, Рим и Венгрию, — всюду он пытался добиться поддержки. Император также впервые наладил контакты с Римской курией, которая обещала оказать Византии помощь. У василевса сложилось убеждение, что союз с Западом будет возможен при условии восстановления единства между Католической и Православной Церквями. Ему и другим византийцам хотелось верить, что западные страны смогут организовать крестовый поход против османов, и Империя Ромеев будет спасена. В Византии понимали, что инициировать новый общеевропейский крестовый поход может только папа Римский. Но прежний опыт общения с Римом (в том числе Лионская уния 1274 г.) убеждал: приобрести папскую помощь православные греки смогут лишь одной ценой — подчинившись понтифику и признав его главенство в Церкви.

Между тем в позднесредневековой Европе предприятия такого масштаба и характера, как крестовые походы XI–XIII веков, уже были невозможны. Европейцы XV века стали гораздо более прагматичными, их не увлекала идея религиозной войны. Ни за Гроб Господень в Иерусалиме, ни за погибающую от османского нашествия Византию европейские монархи воевать не желали. Они ставили перед собой гораздо более приземленные цели⁷. Кроме

того, авторитет папства, ослабленного «Авиньонским пленением» и «Великой схизмой», заметно упал в глазах европейцев. Понтифики были уже не в состоянии убедить свою паству покинуть родные края и пойти умирать за далекую Византию, о которой у большинства жителей Западной Европы было очень смутное представление.

И тем не менее византийская элита верила, что, заключив унию, получит помощь Запада. В 1422 году император Иоанн VIII и Патриарх Иосиф II направили в Италию иеромонаха Антония, чтобы начать переговоры об унии. Весной 1426 года новое византийское посольство обратилось к папе Мартину V с просьбой назначить дату проведения совместного собора для заключения унии. Просьба была повторена еще одним посольством в 1430 году. Но Мартина V униатская идея не увлекла. Переговоры об унии возобновились только после его смерти, последовавшей 20 февраля 1431 года, при новом папе — им стал энергичный и предприимчивый венецианец Габриэле Кондульмер, принявший имя Евгений IV⁸. В первый же год своего понтификата он дал согласие на подготовку унии⁹. В Константинополе стали активно готовиться к собору, который должен был рассмотреть вопрос о воссоединении Восточной и Западной Церквей. При этом греки полагали, что путем богословского диалога смогут убедить латинян отказаться от принятых Католической Церковью догматических новшеств, неприемлемых с точки зрения православных.

В создавшейся ситуации в Константинополе считали исключительно важным застраховать себя от возможных неожиданностей со стороны наиболее крупной и значимой митрополии Константинопольского Патриархата — Русской. Чтобы обеспечить ее лояльность по отношению к затеваемой унии, следовало поставить на Киевскую кафедру иерарха, который заведомо был бы приверженцем униатской идеи. Поэтому столь поспешно и недипломатично по отношению к великому князю Московскому и

был поставлен на Русскую митрополию Исидор, к тому времени уже успевший зарекомендовать себя как последовательный сторонник унии с Римом. Исидор был искренне убежден в необходимости заключения унии, приверженцем которой он стал не только потому, что был горячим патриотом своего гибнущего отечества и верил, что такой ценой Византия сможет получить военную помощь от Запада. Прокатолический и прозападный настрой Исидора, вероятно, в не меньшей степени был связан с его мировоззрением. Как и его другу и соратнику в деле заключения унии митрополиту Никейскому Виссариону, Исидору были близки идеалы западноевропейского гуманизма эпохи Возрождения. Как активный приверженец унии Исидор проявил себя задолго до того, как стал Русским митрополитом¹⁰.

Таким образом, на одну из самых влиятельных и важных кафедр Константинопольского Патриархата — Русскую митрополию — был поставлен убежденный приверженец союза с Западом, что позволяло не только избежать возможных протестов русских по поводу унии, но и вовлечь Русскую Церковь в ее подготовку. Кроме того, Исидор как один из главных организаторов унии с православной стороны, становясь митрополитом Киевским, получал весьма высокий статус на предстоящих переговорах. Перспектива обратить в униатство не только угасающую Византию, но и стремительно набирающую силу и могущество Московскую Русь, должна была обрадовать папский Рим. Вероятно, наряду с этими соображениями имел место и меркантильный расчет обнищавших ромеев — воспользоваться для осуществления своего дорогостоящего униатского проекта в том числе и русскими деньгами.

Вскоре после приезда в Москву и вступления в управление Русской Церковью Исидор стал собираться на собор, на котором предстояло заключить унию. Удержать втайне от великого князя цель своей поездки митрополит,

конечно, не мог. Русские летописи отмечают, что Василий II был против намерений Исидора¹¹ и даже прямо возбранял ему поездку на совместный с католиками собор¹². Великий князь дал свое согласие на участие Исидора в «Осьмом соборе» лишь после того, как тот клятвенно обещал хранить верность Православию и не приносить с собора ничего, что было бы чуждо православному вероучению¹³. Не исключено, конечно, что подобная позиция была приписана летописцами великому князю постфактум, по итогам Ферраро-Флорентийского собора. Скорее всего, Исидор сумел убедить Василия II в том, что соединение с Римом возможно и без ущерба Православию. Возможно, митрополит смог не только представить великому князю предстоящую унию как торжество Православия во всем мире, но и показать, сколь велики будут представляемые ею преимущества в политической сфере, если силы всего христианского мира будут объединены. Но даже если Василий II действительно с самого начала был против участия Исидора в планируемом соборе, ему было трудно воспрепятствовать митрополиту: решение о созыве собора принималось без участия Московского государя, а Исидор в гораздо большей степени был зависим от Патриарха и императора, чем от великого князя. В сложившейся ситуации Василию II оставалось лишь принять меры к тому, чтобы русская делегация во главе с митрополитом прибыла на собор с подобающим почетом. Исидор получил значительные средства на свою дальнюю и дорогостоящую поездку.

5 сентября 1437 года Исидор выехал из Москвы на объединительный собор. Митрополита сопровождала большая свита, в состав которой входило множество священнослужителей и чиновников, в числе которых был епископ Суздальский Авраамий¹⁴. Исидор выехал из Москвы в Тверь, откуда направился в Великий Новгород и далее в Псков — митрополит решил добираться в Западную Европу по Балтике и Северному морю. Повсюду

его встречали с большим почетом. Новгородцы пришли в такой восторг от того, что Исидор направляется, как они верили, присоединять к Православию западных христиан, что вернули предстоятелю Русской Церкви право совершать в Новгороде апелляционный суд, чего прежде безуспешно добивались митрополиты Киприан и Фотий¹⁵. К 14 мая 1438 года Исидор, выехав из Пскова¹⁶ в Дерпт и далее в Ригу, пересек Балтийское и Северное моря и достиг немецкого Любека, откуда планировал ехать в Базель¹⁷.

Но в Любеке Русский митрополит узнал, что папа Евгений IV, вступив в острый конфликт с участниками Базельского собора, решил проводить объединительный собор в итальянской Ферраре¹⁸. Византии предстояло определиться, с кем быть, и сделать выбор между Базелем и Феррарой. В Константинополь, чтобы доставить на собор в Европу императора Иоанна VIII и восточное духовенство, прибыли две флотилии извечных соперников на море и в торговле: генуэзцы — от лица участников Базельского собора и венецианцы — от Евгения IV. Византийцы предпочли собор в Ферраре, понадеявшись, что помощь Евгения IV будет более действенной, и на венецианских судах в начале февраля 1438 года прибыли в Венецию, откуда по суше направились в Феррару. Узнав обо всем происшедшем, Исидор, изменил свой маршрут и вместе со всей русской делегацией направился в Италию — они пересекли Германию с севера на юг, миновали Альпы и 15 августа 1438 года прибыли в Феррару, где к тому времени уже начались заседания собора¹⁹. 10 января 1439 года папа Евгений IV принял решение перенести собор из Феррары во Флоренцию, где в феврале 1439 года возобновились соборные заседания.

Несмотря на то, что униатский собор был, прежде всего, делом заинтересованного в нем по политическим соображениям императора Иоанна VIII, оказавшего сильнейшее давление на греческое духовенство, в состав византийской делегации входили священнослужители,

чье отношение к унии сильно различалось. Император постарался обеспечить приезд на собор в Феррару как можно большего числа безоговорочных сторонников унии с Римом из числа иерархов и придворных сановников. Они готовы были идти на самые значительные уступки Риму в надежде такой ценой купить помощь Запада против турок. В данной категории лиц были как беспринципные политиканы, так и убежденные западники. Именно к этой группе примкнул на соборе Исидор, который наряду со своим другом и единомышленником митрополитом Никейским Виссарионом в дальнейшем стал одним из самых горячих приверженцев и строителей унии. Но на соборе было немало и тех, кто считал, что воссоединение Церквей возможно только в том случае, если между Востоком и Западом будет достигнуто единство в вероучении без какого-либо ущерба Православию. Безусловным лидером этой группы был Марк Евгеник, незадолго до собора поставленный на Эфесскую митрополию, один из самых авторитетных и образованных византийских иерархов того времени²⁰.

Однако давление на византийских участников собора со стороны папы Римского и византийского императора, заинтересованного по политическим мотивам в скорейшем заключении унии, привело к тому, что, сначала проявив уступчивость в вопросе о *Filioque*, греки вскоре сдали и все остальные позиции, по которым ранее пытались вести богословскую дискуссию. Евгений IV, заявив о необходимости устранить любые вероучительные разногласия, потребовал от византийцев также признать католическое учение о чистилище, латинскую традицию совершения литургии на опресноках и западное учение о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы при произнесении слов Спасителя на Тайной Вечери: *«Примите, ядите, сие есть Тело Мое...»* и *«Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя...»*²¹. От византийских представителей также потребовали признать примат папы Римского

не как первенство по чести среди пяти Патриархов, но как юрисдикционное главенство над единой Церковью²². В окончательном соборном документе об унии декларировалось, что папа Римский является *«преемником блаженного апостола Петра, князя апостолов, истинным викарием Христа, главой всей Церкви, отцом и учителем всех христиан»*, получившим через апостола Петра от Самого Христа всю полноту власти над Вселенской Церковью²³. Единственное, что византийцам удалось сохранить из наследия Православной Церкви, — это ее восточный богослужебный обряд. В соборном декрете об унии было подчеркнуто, что восточная литургия и западная месса являются равноценными и равночестными. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор вместе со своим другом и единомышленником митрополитом Никейским Виссарионом сыграли ключевую роль в том, что византийская делегация капитулировала перед католиками.

4 июля 1439 года от лица византийской делегации католической стороне было передано заявление о согласии признать учение Западной Церкви истинным и готовности воссоединиться с западными христианами в единую Церковь²⁴. После достижения окончательной договоренности был составлен на двух языках, латинском и греческом, текст утверждавшего унию ороса²⁵ — главного документа Ферраро-Флорентийского собора. Когда готовился текст ороса, митрополиты Исидор и Виссарион предложили внести в него положение об отлучении от Церкви всех противников состоявшегося соединения Церквей. Тем не менее император и другие члены византийской делегации на это не согласились²⁶. 5 июля орос был скреплен подписями участников собора, в том числе — 33 византийскими представителями. Среди них не было митрополита Марка Эфесского: святитель остался верен своей позиции полного отвержения католического учения об исхождении Святого Духа от Сына. Сиропул сообщает, что во время церемонии подписания унии

греками «о [митрополите] Эфесском никто не сказал ни слова». Также не подписал унию считавшийся малообразованным и не слишком сведущим в богословских вопросах епископ Исаия Ставрूपольский, как оказалось, тайно сбежавший из Флоренции²⁷. По утверждению московского летописца, унию также не подписали митрополиты Григорий Иверский, Исаакий Нитрийский и Софроний Газский²⁸.

Исидор, проявивший себя как один из самых ревностных сторонников заключения унии, соответственно этому подписал ее: «Исидор, митрополит Киевский и всея Руси и представитель апостольской кафедры Святейшего Патриарха Антиохийского Дорофея, с любовью соглашаясь и соодобряя, подписую»²⁹. Подписал унию и Суздальский епископ Авраамий: «Смиранный епископ Авраамио (е) суждальский подписую»³⁰. Симеон Суздалец позднее уверял, что Авраамий не хотел подписывать унию, но «митрополит же Исидор я его и всади в темницу, и седе неделю полну, и тому подписавишуся не хотением, но нужею»³¹. Вернувшись на Русь в 1441 году, Авраамий Суздальский отказался от своей подписи под актом Флорентийской унии³².

Евгений IV очень скоро показал истинную цену положений акта Ферраро-Флорентийского собора о правах Восточных Патриархов на фоне недвусмысленно декларированной абсолютной власти папы Римского в Церкви. Понтифик потребовал от греческой делегации представить на его суд главного противника унии — святителя Марка Эфесского. Также Евгением IV была предпринята попытка организовать при его участии и под его контролем выборы нового Патриарха Константинопольского. И хотя обе этих инициативы Евгения натолкнулись на возражение императора и греческих иерархов, тенденция к дальнейшему росту вмешательства Рима в дела Восточных Церквей наметилась со всей очевидностью³³.

6 июля 1439 года уния была торжественно провозглашена в кафедральном соборе Флоренции — храме

Санта-Мария-дель-Фьоре³⁴. Мессу совершил папа Евгений IV, которому сослужили 12 кардиналов и 93 епископа³⁵. Вся русская делегация во главе с митрополитом Исидором также присутствовала на акте провозглашения унии, в ходе которого император, его придворные, иерархи и другие представители византийской делегации совершили, по западному обычаю, коленопреклонение перед папой и приняли от него благословение³⁶. Митрополита Исидора ждало щедрое поощрение от папы Римского — 17 августа он получил звание «*легата от ребра апостольского*» в Литве, Ливонии, Руси и Польше. Это подразумевало, что на всех этих территориях Русский митрополит должен реализовать решения Ферраро-Флорентийского собора³⁷. Вскоре Исидор и Виссарион Никейский за особое усердие в деле заключения унии также получили от папы кардинальское достоинство.

В конце лета 1439 года греческие участники собора стали покидать Флоренцию. 26 августа император Иоанн VIII выехал в Венецию, откуда затем вместе с большинством членов греческой делегации морем добрался до Константинополя. 6 сентября отправилась в Венецию и русская делегация во главе с Исидором³⁸. Исидор ехал на Русь весьма неспешно³⁹. К концу марта 1440 года он успел добраться лишь до Кракова⁴⁰. Вероятно, митрополит не торопился, ожидая первых откликов на только что заключенную унию и намереваясь действовать по обстоятельствам. Кроме того, ему важно было утвердить унию в западной части Русской митрополии, а между тем король Польский и Венгерский Владислав III Варненчик и его брат великий князь Литовский Казимир Ягеллончик⁴¹, как и большинство монархов Европы, держали сторону Базельского собора, который признавало и большинство католических иерархов Польши и Литвы. Евгений IV отлучил от Церкви Базельский собор и его участников, причем Исидор присутствовал при этом акте⁴². Эти обстоятельства препятствовали утверждению унии в западнорусских

землях, несмотря на то, что прежде Польские и Литовские государи уже не раз выступали за соединение Православной и Католической Церквей.

Еще 5 марта 1440 года Исидор⁴³ направил своей пастве окружное послание об унии⁴⁴. В нем митрополит объявлял, что отныне христиане латинского и греческого обрядов должны вступить в евхаристическое общение друг с другом и иметь равные права в лоне единой Церкви. Обращаясь к римо-католикам, Исидор подчеркивал истинность православного крещения. Между тем ранее, в конце XIV — первой половине XV века, в случаях перехода православных в католицизм их нередко перекрещивали отличавшиеся радикализмом польско-литовские католические иерархи. Поэтому позиция Исидора закономерно вызвала недовольство Католической Церкви Польши, которая вплоть до Тридентского собора отказывалась признавать законность крещения, совершенного в Православной Церкви, и отвергала решения Ферраро-Флорентийского собора, в соответствии с которыми, подчинившись папе и приняв унию, восточные христиане могли сохранять греческий обряд и отдельную иерархию.

Тем не менее на правах папского легата митрополит-кардинал Исидор совершал на территории Польши богослужения по греческому обряду в латинских костелах⁴⁵. Новгородский летописец также отмечал, что Русский митрополит *«повеле в лячкых божницах рускым попом свою службу служити, а в рускых церквах капланом»*⁴⁶. Очевидно, такими демонстративными действиями митрополит в пику польским католическим иерархам хотел подчеркнуть равноправие двух обрядов в лоне объединенной Флорентийской унией Церкви. Напротив, Католическая Церковь в Польше требовала полной ассимиляции восточных христиан в латинской традиции. Такая позиция польско-литовских католиков стала одной из причин, по которым они встали на сторону Базельского собора, имевшего сходную позицию, а не Евгения IV и Ферраро-

Флорентийского собора, выступившего за равноправие христиан латинского и греческого обрядов в лоне единой Церкви, возглавляемой папой Римским. По этой причине в августе 1440 года латинский епископ Виленский Матфей вступил в конфликт с Исидором, не разрешив ему исполнять обязанности папского легата в Литве.

Тем не менее в Кракове Исидору всё же оказали внешние знаки уважения. Краковский архиепископ Збигнев Олесницкий принял митрополита-униата весьма любезно, его советник Ян Эльгот произнес в Ягеллонском университете в присутствии Исидора речь, в которой приветствовал заключение Флорентийской унии⁴⁷. После этого Исидор посетил епархии Русской митрополии, расположенные в пределах Польского королевства, — Холмскую и Перемышльскую⁴⁸, для которых поставил новых епископов⁴⁹. В августе 1440 года митрополит-кардинал посетил Вильно и другие города Великого княжества Литовского, осенью побывал в Смоленске, после чего поехал в южные области Руси, находившиеся в составе Литвы. В Киеве 5 февраля 1441 года князь Александр (Олелько) Владимирович Киевский⁵⁰ «с своими князьми и с паны и со всею полною своею радю» выдал митрополиту грамоту⁵¹, которая подтверждала права Русской митрополии на все принадлежавшие ей земли и доходы в Киевской земле⁵².

Вообще, судя по всему, отношение к Исидору православных князей Великого княжества Литовского было доброжелательным. Помимо грамоты Александра Киевского об этом свидетельствуют и действия Мстиславского князя Юрия Лугвеневича, который, будучи летом-осенью 1440 года князем в Смоленске, выдал людям Исидора находившегося в его свите во время поездки на Ферраро-Флорентийский собор Симеона Суздальца, который к этому времени бежал от митрополита, так как был противником заключенной унии⁵³. Правда, Е.Е. Голубинский связывал расположение литовских православных Гедиминовичей к Исидору не с его униатской

деятельностью, а с тем, что они просто выражали ему традиционное почтение как к митрополиту Киевскому и всея Руси. В доказательство этого Голубинский приводил тот факт, что в грамоте Александра Киевского Исидор не именуется ни кардиналом, ни папским легатом⁵⁴. Но всё же симпатия православных князей Литвы к Исидору могла иметь своим основанием и его позицию в плане достижения равноправия христиан восточного и латинского обрядов. Вряд ли литовско-русская знать глубоко понимала суть богословской проблематики, связанной с заключением Флорентийской унии, но ее социально-политические выгоды для себя князь вполне могли осознать⁵⁵. В то же время для православного населения тех городов Великого княжества Литовского, где, например, в Смоленске, не существовало привилегированного католического меньшинства и православные не являлись неравноправной группой, уния, заключенная Исидором, и направленные на ее утверждение действия поддержки не находили⁵⁶. Такое отношение должно было стать для Исидора предвестником неприятия унии, ожидавшего его в великорусской части Киевской митрополии⁵⁷.

Вероятно, ко времени приезда Исидора в пределы Великой Руси там уже в целом было известно о Флорентийской унии и участии Киевского митрополита в ее заключении, поскольку Авраамий Суздальский, покинувший его в Вильно, прибыл в Москву 19 сентября 1440 года. Именно он мог сообщить великому князю и русским иерархам не только о характере заключенной унии, но и о недовольстве ею как со стороны греческих иерархов, так и католических прелатов Польши и Литвы⁵⁸. Не исключено, что у Василия II могли быть и иные источники информации о Ферраро-Флорентийском соборе, прежде всего — дипломатические.

3 марта 1441 года митрополит Исидор наконец-то прибыл в Москву. Перед ним как кардиналом и папским легатом несли латинский крест⁵⁹ и прочие атрибуты его

дарованного ему Евгением IV достоинства⁶⁰. Несмотря на это и зная о заключенной унии, Исидору позволили совершить богослужение в Успенском соборе Московского Кремля. Скорее всего, в Москве хотели обстоятельно и неспешно разобраться с тем, что произошло, выслушать самого Исидора и осмыслить его позицию. Не исключено, что какой-то элемент растерянности всё же имел место, и в Кремле не вполне еще понимали, как следует себя вести с митрополитом после всего происшедшего. Но всё же прошло уже достаточно времени, чтобы Москва оправилась от шока, вызванного первыми известиями о том, что греки, некогда принесшие на Русь Православие, теперь сами же во главе с Патриархом и императором от него отреклись. За богослужением в Успенском соборе Исидор вместо Константинопольского Патриарха, как это было прежде, поминал на первом месте папу Римского. По окончании службы по приказу митрополита был торжественно зачитан орос Ферраро-Флорентийского собора⁶¹. Исидор также привез буллу Евгения IV, адресованную лично великому князю Василию II и призывавшую его помогать Исидору в деле утверждения унии⁶². Впоследствии митрополит Иона отмечал, что *«от римского папы писание»* было *«с его печатьми и с царевым клеймом»*⁶³. То есть в Москве получили прямое доказательство того, что византийский император также принял участие в заключении унии.

Московский летописец сообщал, что великий князь сразу после этих событий отказался принять от Исидора благословение и *«латынским ересным прелестьником нарече его»* и *«вместо пастыря и учителя волком назва его»*, после чего вскоре приказал низложить его с митрополии *«яко безумна прелестьника и отступника веры»*⁶⁴. Исидор своими действиями вполне изобличил себя как униат, после чего великий князь отдал приказ заточить кардинала в Чудовом монастыре⁶⁵. Согласно Ермолинской летописи, заключению Исидора под стражу предшествовало обличение его как вероотступника со стороны епископа

Авраамия Суздальского и дьяка Василия Карла, после чего по инициативе великого князя в Москве состоялся Собор, на который Василий II созвал *«своя земли епископы, архимандриты и игумены, и всех книжники»*⁶⁶, чтобы рассмотреть *«писание папино»*⁶⁷ и вынести решение по поводу унии. В Москву на Собор Русской Церкви для рассмотрения дела митрополита-отступника приехали 6 епископов: Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Иона Рязанский, Варлаам Коломенский, Иов Сарайский и Герасим Пермский⁶⁸. Судя по тому, что в суде над Исидором принимал участие епископ Авраамий, Суздальский владыка к тому времени уже успел принести покаяние за свое участие в заключении унии и получил прощение. Между участниками Собора и Исидором на Соборе развернулась дискуссия об унии: *«Много превшеса с ним и упревше его от Божественных писаний»*⁶⁹.

В поздней Никоновской летописи сообщается, что после выступления Исидора якобы *«вси умлѣчаша, князи и боаре и инии мнози, еще же паче и епископы русьския вси умлѣчаша, и въздремаша, и уснуша»*, *«един же сей богомудрый христолюбивый государь великий князь Василей Васильевич позна исидорову ересь пагубную и скоро, обличив, посрами его»*. Лишь после этого *«епископы Русьстии, иже быша тогда в то время на Москве, възбудишася, и князи и бояре и велможи и множество христиан тогда възспомануша и разумеша законы Греческия прежния и начяша глаголати святыми Писании и звати Исидора еретиком»*⁷⁰. Однако нет никаких оснований доверять этому сообщению летописи, созданной уже при Василии III и явно стремившейся утверждением о всеобщей пассивности подчеркнуть исключительную роль его деда в отстаивании Православия⁷¹. Напротив, современные Московскому Собору 1441 года источники, хотя и подчеркивают активную роль великого князя в обличении Исидора, тем не менее говорят о единомышленном осуждении в Москве и Флорентийской унии, и причастного к ней митрополита⁷².

Состоявшийся в Москве в 1441 году Собор имел колоссальное значение как для дальнейшей истории Русской Церкви, так и для судеб мирового Православия. Русское духовенство, несмотря на сложность происходящих событий и необходимость мучительно искать в них самостоятельный путь для своей Церкви, обезглавленной отступничеством ее предстоятеля, не пошло за митрополитом-униатом и сохранило верность Православию. Иначе, вероятно, и быть не могло. Без малого пять веков, почти с самого времени Крещения Руси, митрополиты-греки настойчиво убеждали свою русскую паству в том, что Западная Церковь отпала от Православия, исказила апостольское учение, и, как утверждали византийские иерархи и богословы, общения с впавшими в ересь латинянами быть не может. На Руси эту точку зрения в конце концов вполне усвоили и твердо исповедовали, что истинной верой может считаться лишь православная. Этому способствовали и исторические судьбы Русской земли. Само государственно-политическое и культурное становление Руси в домонгольский период было всецело основано на православной традиции. В период ордынского владычества именно Православная Церковь стала основой духовного, а вслед за тем и государственно-политического возрождения Руси, ее объединения вокруг Москвы. Такому пониманию роли Православия в жизни Руси способствовало и то, что главный политический соперник Москвы в XV веке — Литва к этому времени приняла католицизм, и соперничество Московских государей с великими князьями Литовскими за наследие Киевской Руси закономерно стало окрашиваться в религиозные тона. В Московской Руси в унии не видели никакого, даже самого элементарного смысла. Западный мир был тогда для нее бесконечно далек и открывался Москве почти исключительно в облике враждебных Литвы и Польши. В таких условиях поиск церковного единства не мог занять в сознании русского человека

сколь-либо значимого места как самостоятельный ценностный элемент.

В создавшейся ситуации участники Московского Собора 1441 года не могли увидеть особого Промысла Божия: именно Русская Церковь оказалась единственной поместной Церковью в мире, сохранившей верность Православию. То есть вся православная Ойкумена, из которой на тот момент выпали все Восточные Патриархаты, вдруг уменьшилась до масштабов одной лишь Руси. И хотя еще оставались горстка афонских монахов, не принявших унии, да непреклонный Марк Эфесский и его последователи, а в самой умирающей Византии также было немало тех, кто отказывался стать униатом, но как целостная поместная Церковь верность Православию единодушно сохранила лишь Русская митрополия. Обнаружить подобный факт — значило абсолютно по-новому взглянуть на себя и весь окружающий мир, полностью переосмыслить и переоценить свое место в нем. Именно осознание этих реалий стало в дальнейшем основанием и для автокефалии Русской Церкви, и для осознания преемства Руси по отношению к погибшей Византии, которое впоследствии отождествится в знаменитую формулу «Москва — Третий Рим» и воплотится в жизнь в венчании на царство Ивана Грозного и утверждении патриаршего сана за предстоятелями Русской Церкви.

Возможно, этими же соображениями можно объяснить и ту особую роль, которую сыграл в деле обличения Исидора великий князь Василий II. По сути, после Ферраро-Флорентийского собора, когда в православном мире не стало ни патриархов, ни императора, именно великий князь Московский, прежде занимавший заурядное место в византийской имперской теократической системе, теперь становился политическим главой православной Ойкумены, преемником тех «епископов внешних дел Церкви», какими мыслили себя, начиная с Константина Великого, все императоры ромеев. Даже само царственное имя Василия как будто побуждало его к этому.

Любопытно сопоставить эти два собора — Ферраро-Флорентийский и Московский. Один, на котором, помимо императора, Константинопольского Патриарха и 22 греческих митрополитов, присутствовали папа Римский, 11 кардиналов и 150 латинских епископов, собрался в блестящей ренессансной культурой Италии и с самого начала был гордо назван «вселенским». Претендуя на созидание церковного единства, на деле он фактически предпринял попытку уничтожения православной традиции и утверждения папской власти в масштабе всей Церкви. Ферраро-Флорентийский собор как будто олицетворяет собой мощь католического Запада, у ног которого в роли униженного просителя оказался теснимый исламом православный Восток, готовый купить небескорыстную помощь западных братьев ценой потери своей религиозной и культурной идентичности. Почти одновременно на другом конце Европы (а с точки зрения Запада — на ее далеких задворках, а то и вообще в Азии), в далекой от магистральных путей тогдашней мировой политики и, казалось бы, не блестящей богословской ученостью Москве, собрались всего шесть русских епископов (один из которых — раскаявшийся вчерашний униат Авраамий Суздальский) да десятка полтора-два монахов, которые дерзнули осудить не только своего митрополита, только что блиставшего и торжествовавшего перед лицом всей Европы, заслужившего доверие императора-униата, милость папы и претендовавшего на Константинопольский патриарший престол. Утонченный эрудит и эстет, изощренный политик, Исидор, вероятно, даже предположить не мог, какой афронт устроит ему его русская паства, которую гордые греки привыкли считать бессловесным стадом, каким фиаско обернется его триумф, когда шесть полуграмотных, с точки зрения просвещенного византийца, русских архиереев, прибывших в Москву из своих медвежьих углов, и молодой великий князь учинят над ним суд и тем самым в критический для Православной

Церкви момент сделают всё, чтобы сохранить и отстоять ее. В итоге получилось, что вечно презираемые и обвиняемые гордыми эллинами в невежестве русские смогли сделать то, что не удалось самим грекам на Ферраро-Флорентийском соборе, — отстоять Православие от попытки поглотить и растворить его в католицизме. Осуждение унии Восточными Патриархами в 1442 году, возвращение Константинопольского Патриархата в Православие после взятия Царьграда османами в 1453 году, — всё это будет позднее. А тогда, в 1441 году, Православие было сохранено прежде всего благодаря русскому епископату, монашеству, духовенству и великому князю Московскому. К сожалению, эпохальный по своему значению Московский Собор 1441 года до сих пор так и не оценен по достоинству — в церковно-исторической литературе этому выдающемуся событию всегда уделялось до обидного мало внимания.

2

Хотя русский летописец и утверждал, что прение по вопросу об унии между участниками Московского Собора 1441 года и митрополитом Исидором завершилось тем, что оппоненты папского легата *«упревшие его от Божественных писаний»*⁷³, это всё же было до некоторой степени преувеличением — Исидор так и не покаялся в том, что совершил, и не отказался от унии. Этот факт подтверждает, что в основе униатской деятельности митрополита-кардинала лежали глубокие мировоззренческие мотивы. Упорство Исидора ставило русских перед большим затруднением: предстояло судить, низложить, а быть может, в перспективе, и казнить за отступничество самого предстоятеля Русской Церкви. Такого в Москве еще никогда прежде не бывало. К тому же это автоматически приводило к полному и окончательному разрыву с Константинопольской Церковью-матерью, к которой русская паства за без малого пять веков, минувших со времени Крещения Руси, привыкла питать искренние

сыновние чувства, чтя греков как своих учителей в православной вере.

Значительную часть этих трудностей разрешил сам Исидор. Проведя в заключении в московском Чудовом монастыре почти полгода, он 15 сентября 1441 года бежал вместе со своим учеником и архидиаконом Григорием в Тверь, а *«оттоля к Литве, да и к Крыму, к папе своему злочестью ко диаволу»*⁷⁴. Между тем есть все основания считать, что сами московские судьи Исидора были не против его побега, так как он избавлял их от необходимости ломать голову, как с ним поступить после соборного осуждения унии. Судить митрополита самостоятельно подвластные ему русские епископы прежде не имели полномочий, исходя из канонов Православной Церкви. Это мог сделать лишь Патриарх Константинопольский, созвав для проведения суда собор епископов. Но после Ферраро-Флорентийского собора на Константинопольскую патриаршую кафедру был поставлен униат Митрофан II, бывший митрополит Кизический. Поэтому патриарший суд над Исидором был невозможен. Тем не менее судить Исидора самостоятельно, исходя из того, что Русская Церковь, сохраняя верность Православию, порывала с униатским Константинополем, русские епископы, имея на то полное право, всё же не решились — это было для них слишком смело и непривычно.

Очевидно, что отъезд Исидора из Москвы вовсе не был побегом из тюрьмы, что доказывает анализ собрания рукописей митрополита, которое после его смерти оказалось в составе Ватиканской библиотеки. Как видно, Исидор вывез из Москвы несколько греческих кодексов, ранее принадлежавших Фотию. Следовательно, навсегда покидая Москву и увозя с собой рукописи из митрополичьего собрания, Исидор не только был в состоянии беспрепятственно совершить «бегство», но и тщательно к нему подготовился, имея доступ, по меньшей мере, к библиотеке Русских митрополитов⁷⁵.

Обращает на себя внимание, что «бегство» митрополита Исидора произошло уже после того, как в Москве решили не направлять в Константинополь знаменитое послание по поводу отступничества Исидора⁷⁶, датированное временем до сентября 1441 года. Б.Н. Флоря связывает оба этих события с тем, что в Москву к этому времени из столицы Византии пришло известие о том, что новым Патриархом Константинопольским стал активный приверженец унии Митрофан Кизический⁷⁷.

Послание в Константинополь написано от имени великого князя Василия II и адресовано не названному по имени Патриарху⁷⁸. В начале послания кратко излагается история христианства на Руси, причем грекам воздается хвала как учителям русского народа в Православии. Далее много говорится об исторической преемственности и о том, что Константинопольские Патриархи прежде ставили на Русь митрополитов как греков, так и русских по происхождению. Затем великий князь сетует на то, что в Константинополе отказались поставить митрополитом Иону: *«Не вемы же убо, за кое дело нашего прошения не прияли, ни грамотам нашим, ни послу нашему, ни нашим посланым с ним словесем не вняша, того нам епископа Иону на митрополию не поставили, и тому есмы не в мале подивились, что ради сие к нам таково бысть, и в размышлении быхом, или за помедление нашего послания, или свое высочайшее поставише, тако сотвориша»*. Вместо Ионы, как отмечается в послании, из Константинополя прислали на Русь митрополита Исидора, который против воли великого князя принял участие в заключении унии, нарушив обещание хранить верность Православии. С Ферраро-Флорентийского собора Исидор *«многа странна и чюжа принесе в наше православное христианство»*. В послании упоминается принесенное Исидором в Москву *«от римьскаго папы писания»*, в котором перечисляются католические новшества, навязанные латинянами грекам: Filioque, учение о чистилище, служение литургии на пре-

сном хлебе. Великий князь сообщает, что для обсуждения папского послания он созвал в Москве церковный Собор. В письме перечислены имена епископов, принимавших участие в этом Соборе, и отмечается, что они постановили: *«чюже есть и странно от Божественных правил Исидорова все дело и прихождение»*. Великий князь сообщает, что направляет в Константинополь папскую буллу с текстом положений Флорентийской унии. После всего сказанного Московский государь обращается с просьбой к Патриарху, императору и Синоду Константинопольской Церкви прислать *«честнейшее ваше писание»* с разрешением впредь епископам Русской Церкви самим избирать и поставлять себе митрополита. При этом в послании отмечается, что прежде подобное уже бывало в случае крайних обстоятельств. Одновременно великий князь обещает, что Русская Церковь сохранит свою каноническую связь с Константинопольским Патриархатом *«до века»*.

Послание, безусловно, является ярким образцом русского дипломатического искусства. Не случайно в этом документе не проставлено имя Патриарха, которому оно адресовано: послание, очевидно, было рассчитано на два возможных варианта развития событий в Константинополе и в обоих случаях фактически ставило византийцев в патовую ситуацию. В первом случае, если бы оправдались надежды русских на то, что в Константинополе уния отвергнута и Патриархом стал православный, греки, несомненно, должны были бы уважить просьбу русских, столь решительно выступивших в защиту Православия, и даровать Русской Церкви право самостоятельно поставлять своего митрополита. Если же Патриархом по-прежнему оставался Митрофан Кизический или иной сторонник унии, то едва ли он смог бы ответить на послание из Москвы, столь решительно продекларировавшей свое Православие. В противном случае неминуемо встал бы вопрос о его собственном вероотступничестве. При этом русские, с одной стороны, соблюдали все канонические

формальности, обращаясь с просьбой об автономии к Патриарху, а с другой — развязывали себе руки: в случае молчания Патриарха-униата или признания им своего униатства Москва получала все основания для того, чтобы в дальнейшем строить свою церковную жизнь без оглядки на Константинополь. В то же время послание великого князя Василия Васильевича могло стать напоминанием византийцам о том, что у них еще остается возможность отказаться от унии.

Тем не менее письмо Василия II в Константинополь так и не было отправлено. Позднее была создана новая редакция этого послания, адресованная уже не Патриарху, а императору⁷⁹. Вероятно, попытка вторичного обращения в Константинополь имела место в 1443 году⁸⁰ и была связана с кончиной Патриарха-униата Митрофана Кизического. Не исключено также, что в Москве узнали о состоявшемся в 1442 году в Иерусалиме Соборе, на котором присутствовали три Восточных Патриарха: Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский, которые заявили о своем неприятии и осуждении Флорентийской унии. Но и новый вариант послания не был отправлен по назначению: великий князь *«послав послов възврати възпать»*⁸¹. И хотя русский летописец объяснял это тем, что *«прииде же весть, яко царь и отъиде в Рим на царство и ста в Латинскую веру»*, в реальности причиной повторного отказа направить послание, скорее всего, было поставление на патриаршество в Константинополе Григория III Маммы⁸², который, как и его предшественник Митрофан Кизический, также был решительным сторонником Флорентийской унии и прежде проявил себя как один из ее активных организаторов с византийской стороны.

Поскольку надежды Москвы на скорый отказ греков от Флорентийской унии не оправдались, в Русской Церкви, сохранявшей верность Православию, вероятно, всё же постепенно приходили к совершенно справедливой мысли, что при очевидной апостасии греков и их переходе

в католичество восточного обряда нет смысла прибегать к каким-либо ухищрениям с целью получения санкции Константинополя на создание на Руси собственного самостоятельного церковного управления. Похоже, в Москве в конце концов осознали, что разрыв с униатским Константинополем не требует вообще никакого канонического обоснования, так как имеет своей причиной явление догматического порядка: Константинопольская Церковь перестала быть православной, а Русская Церковь таковой остается, и следовательно, никакой канонической связи и общения между ними быть не может. Там, где речь идет о сохранении догматов, вопрос о соблюдении канонов, регулирующих внутреннюю жизнь Церкви, вообще теряет смысл, ибо каноны — это не просто законы, по которым живет Церковь, а, по сути, ее икона, идеальный образ. Конечно, понять это сразу тем, кто тогда, в середине XV века, решал, каким путем пойдет далее Русская Церковь, было нелегко. Ситуация, в которой Русская митрополия ради сохранения Православия должна была обрести свою автокефалию, была беспрецедентной. Не существовало никаких прямых канонических норм, которые бы предусматривали весь алгоритм действий в условиях, подобных тем, что были созданы Флорентийской унией. Отсюда и проистекали первоначальные, отраженные в обеих редакциях послания великого князя Василия II в Константинополь, попытки Москвы найти аргументы в подтверждение своих действий в традиционной канонической практике Православной Церкви, от которых вскоре было решено полностью отказаться.

В противостоянии Флорентийской унии Русскую Церковь поддержало афонское монашество, авторитет которого в православном мире традиционно был очень велик. С Афона в Москву около 1442 года было направлено послание на имя великого князя Василия II⁸³, написанное после получения святогорцами известий об осуждении митрополита Исидора на Соборе 1441 года. На Афоне

осуждали как предательство Православия действия императора и византийских иерархов и высоко оценивали усилия русских, направленные против унии, отмечали, что они побуждают многих византийцев последовать их примеру. Афонские иноки сообщали, что прекратили поминовение принявших унию Патриарха и императора. В ответ на письмо святогорцев великий князь направил послание, в котором выражал похвалу афонским монахам и выражал пожелание продолжать поддерживать связи с монастырями Святой Горы⁸⁴.

Говоря о последующей жизни и деятельности Исидора следует отметить, что и в Твери, куда он «бежал» из Москвы, митрополит-униат не встретил поддержки, несмотря на традиционно сложные отношения между Тверским и Московским великими княжествами. Тверской князь Борис Александрович велел посадить митрополита «за приставы», и в результате Исидору пришлось около полугода просидеть под арестом. Папский легат был освобожден лишь «в великий пост на средокрестной неделе» 1442 года⁸⁵. Рассчитывать на какую-либо поддержку в великорусских епархиях Исидор не мог, и поэтому попытался достичь успеха в западной части Русской митрополии. В начале 1442 года он направился в Новогрудок, где находился центр митрополичьего округа на территории Великого княжества Литовского. Но и здесь кардинала ожидал полный провал: великий князь Казимир IV Ягеллончик и Виленский латинский епископ Матфей признавали законным не Ферраро-Флорентийский собор и папу Евгения IV, а Базельский собор с его антипапой Феликсом V. Исидор был вынужден покинуть и Литву. Гораздо больше ему повезло в столице Венгрии — Буде: 23 марта 1443 года польский и венгерский король Владислав III Варненчик издал привилей, которым в своих владениях предоставил христианам восточного обряда, принявшим унию, права и свободы, которыми пользовалась римо-католики. Скорее всего, Исидор был причастен к подготовке этого докумен-

та. Но несмотря на то, что Владислав III стал сторонником Евгения IV, а Холмский латинский епископ Ян Бискупец оказал Исидору поддержку, польские католические иерархи и светская знать, влияние которых существенно ограничивало власть короля, в большинстве своем были на стороне Базельского собора. Трудности, связанные с утверждением Флорентийской унии в Польше и Литве, вынудили Исидора уехать в Рим⁸⁶.

Более Исидор уже никогда не возвращался на территорию Русской митрополии, даже после того, как в 1447 году Польша и Литва подчинились власти папы Николая V, преемника Евгения IV. Очевидно, Исидор полностью утратил надежду на успех унии в Восточной Европе и в последующие годы сосредоточил свою деятельность на утверждении унии в Византии. К 1446–1448 годам относится единственное сохранившееся свидетельство того, что Исидор еще оказывал влияние на дела западнорусских епархий. В это время кандидат на Владимиро-Волынскую епископскую кафедру Даниил совершил поездку в столицу Византии, где Исидор совершил его поставление во епископа, а Даниил дал ему свое «исповедание». Правда, позднее этот епископ утверждал, что, принимая рукоположение от митрополита-униата, он *«того не разумех, что тот Исидор митрополит сходатай и споспешник был оному латыньскому, еже во Флоренции бывшему осмому Собору»*⁸⁷. Связи Исидора с западнорусскими епархиями окончательно прервались после того, как в январе 1451 года великий князь Литовский Казимир признал митрополитом Киевским и всея Руси Иону⁸⁸.

Между тем и в Византии судьба унии складывалась неудачно. Большинство византийцев было против подчинения Риму, несмотря на то, что 1 января 1443 года Папа Евгений IV издал буллу, объявлявшую о начале крестового похода против турок. Но участие в нем приняли лишь крестоносцы из Венгерского королевства, которыми командовал полководец Янош Хуньяди, и, в меньшей

степени, польские рыцари. Возглавил крестовый поход король Польши и Венгрии Владислав III. 10 ноября 1444 года в битве при Варне крестоносцы были наголову разгромлены турками султана Мурада II. В бою погиб цвет венгерского и польского рыцарства во главе с самим королем Владиславом⁸⁹. Венгрия еще раз попыталась бороться с османами, но в 1448 году войско Яноша Хуньяди вновь потерпело поражение в битве на Косовом поле. Поражение крестоносцев лишило Византию последней надежды на спасение. Окруженный со всех сторон территорией Османской империи Константинополь со дня на день мог быть захвачен турками⁹⁰. Император Иоанн VIII скончался 31 октября 1448 года, вскоре после получения известия о поражении венгерского войска⁹¹. Перед смертью ему пришлось осознать, что избранная им стратегия, целью которой было получение помощи Запада ценой компромисса с папством, полностью провалилась. Крах этой политики был столь очевиден, что Иоанн VIII и принявшие унию иерархи Константинопольской Церкви, полностью дискредитировав себя, так и не решились официально обнародовать в Византии орос Ферраро-Флорентийского собора.

Бездетный Иоанн VIII, умирая, передал эфемерный императорский престол своему брату Константину XI Драгашу⁹², который в последней отчаянной попытке не допустить гибели Византии вновь попытался навязать унию своим подданным. Поскольку уния по-прежнему оставалась крайне непопулярной в Константинополе, Патриарх-униат Григорий III Мамма в 1451 году предпочел вообще покинуть столицу Византии. В мае 1452 года в качестве папского легата в Константинополь был направлен митрополит-кардинал Исидор. В конце октября 1452 года он прибыл в византийскую столицу во главе небольшого вооруженного отряда и объявил Константину XI, что гибнущая Империя Ромеев может рассчитывать на помощь Запада только в случае принятия унии. Император под-

чинился, и 12 декабря 1452 года в соборе Святой Софии в Константинополе была совершена литургия, за которой возносились имена папы Николая V и отсутствовавшего в городе Патриарха-униата Григория Маммы, а затем был, наконец-то, публично оглашен орос Ферраро-Флорентийского собора. Софийский собор в Константинополе был передан униатам во главе с Исидором и находился в их руках до захвата города турками. Исидор оставался в византийской столице вплоть до того момента, когда город пал под ударами османов султана Мехмета Фатиха. Папский легат совершил последнее христианское богослужение в Софийском соборе, за которым в канун гибели тысячелетней Империи Ромеев собрались и сторонники, и противники унии. В резне, устроенной турками при взятии Константинополя 29 мая 1453 года, Исидор уцелел. Он попал в плен, но был выкуплен одним из генуэзских купцов⁹⁵. Кардиналу-униату, вероятно, помимо страданий, испытанных при виде гибели Византии, было не менее тягостно сознавать, что несмотря на заключение унии греки, в сущности, так и не получили от католического Запада никакой серьезной помощи против турок.

После катастрофы 29 мая 1453 года Исидор вновь оказался в Риме. В 1458 году папа Каллист III санкционировал разделение Русской митрополии, отделив от нее «митрополию Киевскую, Литовскую и всея Руси», территория которой совпадала с границами Великого княжества Литовского и Польши. 15 октября 1458 года униатский Патриарх Константинопольский в изгнании Григорий Мамма поставил на новую митрополию Григория, ученика Исидора, отказавшегося в его пользу от своих прав на западную часть Русской митрополии. В январе 1459 года он также формально отрекся в пользу Григория и от своих прав на московскую часть Русской митрополии. Впоследствии папа Пий II назначил Исидора деканом Коллегии кардиналов, униатским Патриархом Константинопольским и Архиепископом Кипрским. Однако его реальная

юрисдикция распространялась лишь на греков-униатов в Италии. Исидор скончался в Риме 27 апреля 1463 года и был погребен в ватиканской базилике святого Петра. Честь, оказанная греческому иерарху, оказалась, по сути, единственным результатом его многолетних усилий по части достижения церковного единства таким заведомо неприемлемым для православного мира способом, как уния. А для Русской Церкви противостояние навязываемым ей решениям Ферраро-Флорентийского собора стало одним из важнейших моментов ее бытия, судьбоносным рубежом, перейдя который она обрела самостоятельность и открыла совершенно новую эпоху своей истории.

3

Принятие унии в Константинополе в конечном счете подтолкнуло Москву к переходу сохранившей верность Православию Русской Церкви к самостоятельному и независимому от греков управлению. Но реализовать на практике идею церковной автокефалии удалось далеко не сразу, так как в Московском государстве вновь разгорелась ожесточенная усобица, причиной которой стали притязания на великое княжение со стороны сына князя Юрия Дмитриевича Звенигородского — Дмитрия Шемяки.

Новый конфликт начался осенью 1441 года. Его первая фаза продолжалась до лета 1442 года.⁹⁴ Прежде в качестве миротворца в княжеских усобицах неизменно выступали митрополиты. В условиях, когда после изгнания митрополита Исидора Русская Церковь не имела своего предстоятеля, в качестве примирителей враждующих князей выступали другие священнослужители. Так, в 1442 году великого князя Василия и его врагов — князей Дмитрия Шемяку и Александра Чарторыйского — сумел примирить игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий⁹⁵. В житии преподобного Григория Пельшемского, который происходил из рода детей боярских из Галича

Костромского, также сообщается о попытках этого подвижника воздействовать на Галичских князей с целью прекратить их вражду с Василием II. Агрессивные действия Василия Юрьевича Косого против архиепископа Ростовского Ефрема, вероятно, также были связаны с тем, что этот архиерей осудил притязания Галичского князя на великокняжеский престол⁹⁶.

Усобица возобновилась в 1445 году. К этому времени значительно усилился процесс распада Орды, фактически разделившейся на несколько улусов. Между потомками Джучиевой ветви Чингизидов шла ожесточенная борьба. Единого центра власти в Орде больше не было. С одной стороны, это имело положительные для Руси последствия: ордынское иго, по сути, сошло на нет, дань Орде фактически перестали выплачивать под предлогом того, что единого главы Улуса Джучи больше не было. Но была у этого процесса и негативная для Руси сторона: множество «бродячих» ордынских царевичей, не преуспевших в борьбе за власть и оттесненных к окраинам Орды, постоянно нападали на соседние русские земли и разоряли их. С ними приходилось вести непрерывную войну, которая требовала значительных затрат сил и средств. Одним таких царевичей-изгоев был Улуг-Мухаммед⁹⁷. Бывший хан, имея при себе значительную военную силу, не стал довольствоваться грабежом приграничных городков и весей, а замахнулся по-крупному: зимой 1444–1445 года он захватил Муром и осадил Нижний Новгород. Одновременно литовцы совершили набег с юго-запада, в районе Калуги и Козельска⁹⁸. Против Улуг-Мухаммеда выступил великий князь Василий II. В походе приняли участие все удельные князья Московского дома⁹⁹. 7 июля 1445 года под Суздалем, на реке Каменке, близ Спасо-Евфимиева монастыря, произошло сражение русского войска с ордынцами¹⁰⁰. Шемяка со своим войском не пришел в Суздаль на помощь великому князю. Русское войско потерпело сокрушительное поражение. Василий II был ранен и попал в плен¹⁰¹. Бедствия довершил

случившийся в Москве 14 июля страшный пожар, в котором выгорел практически весь город, и даже каменные храмы распались от сильного огня¹⁰². Дмитрий Шемяка радовался пленению Василия II, надеясь, что теперь сможет беспрепятственно занять великокняжеский престол. Галичский князь даже специально обращался к Улуг-Мухаммеду с просьбой не освобождать из плена Василия II¹⁰³. Однако 1 октября 1445 года великий князь был отпущен на свободу после того, как целовал крест, обязавшись уплатить ордынцам гигантский выкуп¹⁰⁴. Одновременно в русские города, подвластные Василию II, прибыли ордынские сборщики дани¹⁰⁵.

Всё случившееся было воспринято на Руси с горечью, ибо выглядело как возобновление, казалось бы, уже ушедшего в прошлое ордынского ига. Тяжелое впечатление от событий 1445 года усугубляла враждебная Василию II пропаганда Шемяки. Мечтавший о великом княжении Галичский князь распускал слухи о том, что выпущенный из плена Василий II якобы обещал Улуг-Мухаммеду, что отдаст хану Москву, а сам сядет на княжение в Твери. Тем самым авторитету Василия II был нанесен сильнейший ущерб. Против него негодовала значительная часть народа, а удельные князья Московского дома и Тверской князь Борис оказались настроены враждебно из-за боязни потерять свои княжения¹⁰⁶. Напротив, Шемяка на фоне неудач, постигших Василия II, многим стал представляться более предпочтительным кандидатом на великое княжение. Даже среди братии Троице-Сергиева монастыря были забыты недавние заслуги великого князя в противостоянии Флорентийской унии и защите Православия и проявлялось недовольство Василием II¹⁰⁷. Многие считали, что, заменив Василия на Московском престоле Шемякой, можно будет не платить разорительный выкуп, обещанный хану плененным великим князем¹⁰⁸.

Против Василия II был организован заговор с целью его низложения. Его главными организаторами были Дми-

трий Шемяка и Иван Можайский. Среди участников заговора оказались даже некоторые монахи Троице-Сергиева монастыря, что в итоге принесло заговорщикам успех. Во время паломничества в Троицкую обитель сторонники Шемяки захватили Москву. Василий II 13 февраля 1446 года был схвачен у раки с мощами Сергия Радонежского в Троицком соборе монастыря. На следующий день он был привезен на подворье Шемяки в Московском Кремле, где 16 февраля его ослепили¹⁰⁹. Расправа с Василием II должна была выглядеть как отмщение Шемяки за своего брата — Василия Косого, ранее ослепленного по приказу великого князя. Но для Галичского князя важнее был иной результат этой жестокой экзекуции: по византийской традиции, ослепленные монархи уже никогда не могли вернуться на утраченный ими престол. После низложения и ослепления Василия II Шемяка беспрепятственно занял великое княжение. Василий Темный был заключен в тюрьму в Угличе.

В это время на правах местоблюстителя Русской Церковью управлял Рязанский епископ Иона, ранее уже исполнявший эти обязанности после кончины митрополита Фотия и казни митрополита Герасима, но так и не ставший предстоятелем в связи с поставлением во главе Русской Церкви Исидора. Ко времени низложения Василия Темного Иона уже пребывал *«на митрополиче дворе на Москве»*, хотя всё еще именовался епископом Рязанским и Муромским¹¹⁰. Несмотря на экстраординарность ситуации, вызванной изгнанием Исидора и разрывом с униатским Константинополем, для поставления Ионы на митрополию имелось вполне убедительное каноническое основание. При возведении Исидора в митрополиты Ионе Патриархом Иосифом II и Собором Константинопольской Церкви было обещано, что он вступит на митрополию, *«аще когда Исидор или волею Божиею умрет или каково инаково о нем что ся сътанет»*¹¹¹. Но тем не менее великий князь Василий II, уже решившийся на разрыв с униата-

ми-греками и готовый к самостоятельному поставлению Русского митрополита, всё же не успел этого сделать по причине политической нестабильности в Московском государстве. Поскольку статус Ионы как временного главы Русской Церкви был весьма неопределенным, этим решил воспользоваться в своих интересах Дмитрий Шемяка, пообещавший Рязанскому владыке поставить его митрополитом¹¹². Разумеется, узурпатор надеялся, что в благодарность за это Иона окажет ему поддержку.

При захвате Василия II в Троице-Сергиевом монастыре его недруги второпях забыли о детях великого князя — Иване и Юрии Васильевичах, которые успели спрятаться в обители, а затем перебраться в Муром¹¹³. Шемяка предложил епископу Ионе привезти из Мурома, который был вторым кафедральным городом его Рязанской епархии, сыновей Василия Темного. При этом Шемяка обещал, что Васильевичи будут переданы их ослепленному отцу, который будет освобожден из заточения в Угличе и даже получит от Дмитрия Юрьевича удел взамен утраченного великого княжения¹¹⁴.

Иона принял предложение Шемяки. Трудно судить, какими мотивами он при этом руководствовался. Едва ли он стремился таким образом получить митрополию, тем более что положение Шемяки в Москве было зыбким, его права на главенство в доме московских Калитичей сомнительными, а перспективы неясными. Скорее можно думать, что Иона стремился облегчить участь Василия Темного и добиться примирения враждующих сторон и скорейшего окончания усобицы, серьезно ослабившей Московское государство. Иона прибыл в Муром и уговорил бояр, сохранявших верность Василию Темному, передать ему сыновей низложенного великого князя «*на епитрахиль*»¹¹⁵. То есть иерарх гарантировал неприкосновенность и безопасность детей Василия. Сыновья ослепленного великого князя были доставлены к Шемяке в Переяславль-Залесский. Но узурпатор нарушил обещание и не

освободил Василия II, молодых князей он отправил к отцу в угличское заточение. Иона сопроводил Васильевичей в Углич, после чего Шемяка *«повеле ему ити к Москве и сести на дворе митрополичи, Иона же тако сътвори»*¹¹⁶.

То, что Шемяка нарушил обещание, вызвало возмущение святителя Ионы, укорявшего узурпатора: *«неправду еси учинил, а меня еси ввел в грех и в сором»*¹¹⁷. Недовольство вероломным поведением Шемяки также выражали многие другие епископы и представители монашества и белого духовенства. Особенно резко выступил по этому поводу преподобный Макарий Унженский¹¹⁸. Ропот со стороны нареченного митрополита, иерархов и духовенства, а также нежелание значительной части московской знати служить узурпатору¹¹⁹ — всё это в итоге побудило Шемяку выпустить Василия Темного и его детей на свободу. 15 сентября 1446 года Дмитрий прибыл в Углич, *«поидоша же с ним и вси епископи и архимандрити и игумени»*¹²⁰. Здесь состоялся своего рода собор духовенства и московской знати, на котором Василий II по требованию Шемяки отрекся от притязаний на великое княжение, после чего был освобожден вместе со своей семьей и получил в удел Вологду. Договор был скреплен крестным целованием и т.н. *«проклятыми грамотами»*¹²¹, согласно которым его нарушитель подлежал отлучению от Церкви.

Между тем, получив свободу, Василий Темный посетил Кириллов Белозерский монастырь, где встретил горячее сочувствие братии. Игумен Трифон¹²² освободил Василия от крестного целования, данного Шемяке, объявив, что вместе с монахами принимает этот грех на себя¹²³. После этого Василий уехал из Вологды в Тверь, где князь Борис Александрович обещал ему помощь¹²⁴. В Тверь стали стекаться все недовольные Шемякой¹²⁵. В канун Рождества, 24–25 декабря 1446 года войско Василия Темного вступило в Москву. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский бежали в Галич и далее в Чухлому¹²⁶. На Руси византийская традиция оказалась недействительной, и слепота не

обернулась для Василия II политической смертью. После его возвращения на великое княжение духовенство Русской Церкви стало активно содействовать укреплению его власти и скорейшему окончанию усобицы.

Войска великого князя одержали несколько побед над сторонниками Шемяки, и летом 1447 года между Василием II и Галичским князем был заключен новый договор. На сей раз уже Шемяка признал великим князем Василия и отказался от притязаний на великое княжение¹²⁷. Но вскоре Шемяка нарушил условия договора. 29 декабря 1447 года в Москве состоялся церковный Собор, в котором приняли участие нареченный митрополит Иона, епископы Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Варлаам Коломенский и Питирим Пермский и настоятели ряда монастырей. Собор направил Дмитрию послание с требованием подчиниться Василию II¹²⁸. Участники Собора осудили попытки Шемяки отобрать престол у своего *«старейшего брата»*. За ослепление Василия II иерархи сравнивали Галичского князя с Каином и Святополком Окаянным. Шемяке был поставлен ультиматум. В самые кратчайшие сроки (*«по Крещении две недели»*) он должен был покориться великому князю, в противном случае ему угрожали отлучением от Церкви: *«А в том твоём неисправленьи какова, по грехом, кровь христианская прольется, и та христианская кровь вся на тебе же будет»*.

В начале 1448 года князья Дмитрий Галичский и Иван Можайский скрепили свое обещание подчиниться власти великого князя *«проклятыми грамотами»*. В них указывалось, что если Шемяка нарушит свой договор с великим князем и вновь учинит против него мятеж, *«ино не буди на мне милости Божии и Пречистыя Матери Его и силы честнаго и животворящего креста, и молитвы всех святых и великих чудотворец земли нашея»*. *«Также не буди на мне благословения всех епископ земли Русския, иже суть по своим епископьям, и иже всех под ними священничьскаго чина»*¹²⁹, — обещал Шемяка.

Смута в Московском княжеском доме лишь отсрочила, но не сняла с повестки дня вопрос об установлении церковной независимости Руси. Как только положение вернувшегося к власти Василия II укрепилось, давно вызревшая идея самостоятельного, без санкции Константинополя, поставления Русского митрополита была реализована на практике. 15 декабря 1448 года по инициативе Василия Темного в Москве на митрополию был поставлен епископ Рязанский и Муромский Иона. Поставление нового митрополита совершил Собор епископов Северо-Восточной Руси¹³⁰ в составе: Ефрема Ростовского, Варлаама Коломенского, Питирима Пермского, а *«Новгородской архиепископ Евфимей и епископ Тверьски (Илия) грамоты свои прислаша, что с ними единомыслени на поставление на митрополию Ионы владыкы Рязаньского»*¹³¹. С поставлением Ионы на митрополию был положен конец затянувшемуся периоду, во время которого кафедра главы Русской Церкви оставалась вакантной¹³². Такое положение крайне негативно отражалось как на церковной, так и на общественно-политической жизни Руси. Тот факт, что сразу же после поставления на митрополию Иона возвел в сан архиепископа Ростовского епископа Ефрема, *«поне же бо и преже того был тамо архиепископ Федор, а взял ея в Цариграде»*¹³³, очевидно, должен был продемонстрировать, что период безначалия завершен, и новый предстоятель намерен решительно заняться устройением дел в Русской Церкви.

Поставление Русского митрополита без благословения Патриарха Константинопольского было целиком оправданным, так как обращаться по этому поводу к Патриарху-униату было невозможно. Иона в своем послании к Киевскому князю Александру Владимировичу, датированном 1449–1450 годами, писал: *«И в той великой Божией Святейшей Сборней Апостольской Коньстянтиноградской Церкви от царя и патриарха и на полате царева почяло быти папино помяновение»*. *«И сам, сыну,*

веси, что же тех великих церковных неустроений и до сего времени во святейшей Русстей митрополии не бывало митрополита: не х кому было посылать. Царь не таков, а ни патриарх не таков, иномудръствуящу, к латыном приближающуся»¹³⁴, — отмечал митрополит.

Тем не менее, несмотря на очевидную необходимость перехода Русской Церкви к самостоятельности и независимости от принявших унию греков, многим в русском обществе это казалось слишком непривычным. Отсюда проистекали постоянные попытки как-то оправдать и обосновать возведение Ионы на митрополию, которые предпринимали и он сам, и великий князь Василий II, непосредственно причастный к этому «революционному» событию. Эта тема часто звучит в митрополичьих и великокняжеских посланиях, написанных в конце 1440-х — начале 1450-х годов, где поставление Ионы на митрополию, совершенное Собором епископов Русской Церкви, почти всегда обосновывалось тем, что он еще при поставлении Исидора получил патриаршее благословение занять его место.

В частности, Василий II напоминал об этом в послании к последнему византийскому императору Константину XI: *«А что Божия воля о Сидоре произмыслит: или смертию скончается, или иначе что о нем будет, ино ты еси, Иона, по нем будещи в Руси митрополитом»¹³⁵*. В послании, которое Иона направил по поводу своего поставления в Великое княжество Литовское, святитель писал: *«И ныне Богу тако изволю, собрався священный збор — владыки и архимандриты, и игумены, и со всем великим Божиим свящньством нашии земли, и по божьственным священным правилом поставили мя митрополитом, поминаа прежнее на нас повеление святого царя и благословение святого и вселенскаго патриарха и всего святого вселенского збора»*.

Однако одновременно святитель Иона указывал, что его возведение на митрополию состоялось также *«по думе господина сына моего великого князя имярек и его молодшие*

*братие князей». «Не хотением нашего смирения, но волею великого самодржжства то учинилось»¹³⁶, — писал Иона. В послании к князю Александру Киевскому святитель также напоминал, что случаи самостоятельного поставления митрополитов на Руси бывали и прежде «*русских господарей со цареградскими цари негладости ради*»¹³⁷.*

Проблема оправдания действий русских епископов и великого князя Василя, предпринятых при поставлении Ионы на митрополию, продолжала волновать святителя до самой кончины. Большинство аргументов, которые Иона в оправдание своего возведения на митрополию приводил в своих посланиях в продолжение всего периода своего митрополичьего служения, повторены им почти дословно в его духовной грамоте-завещании¹³⁸.

В церковно-исторической литературе не раз высказывалось мнение, что среди части духовенства и мирян Русской Церкви возведение Ионы на митрополию без патриаршего благословения было воспринято как незаконное, совершенное в нарушение канонов. В частности, считалось, что поставление Ионы на митрополию оспаривал такой авторитетный подвижник русского монашества, как преподобный Пафнутий Боровский, из-за чего он вступил в острый конфликт с митрополитом и даже был им посажен на цепь¹³⁹.

Данная версия традиционно опиралась на два источника: помимо Жития Ионы о его конфликте с Пафнутием Боровским сообщалось в послании Иосифа Волоцкого к И.И. Третьякову, где сообщалось: «*Да Ионе митрополиту была брань с Пафнотием старцем: сказали Ионе, что Пафнутий его не велит звати митрополитом*»¹⁴⁰. Между тем уже в XX веке был опубликован «Ответ» на послание Иосифа Волоцкого к И.И. Третьякову, из которого следует, что Пафнутий выступал не против признания законности поставления Ионы на митрополию, а против запрета на посмертное поминовение отлученного от Церкви Дмитрия Шемяки, на земле которого была основана Боровская

обитель. Пафнутий считал Шемяку своим благодетелем и покровителем, и по этой причине запрет зауспокойной молитвы об узурпаторе вызвал у игумена такое негодование, что он сгоряча отказался признавать Иону митрополитом, считая несправедливым его отношение к Шемяке¹⁴¹.

Поставление Ионы на митрополию в декабре 1448 года по сути стало точкой отсчета автокефалии Русской Церкви. Тем не менее тогда достигнутый Русской митрополией фактический статус еще не воспринимался как окончательный, а разрыв отношений с униатским Константинополем — как непреодолимый. В Русской Церкви были готовы к восстановлению канонической связи с Константинопольским Патриархатом, но при непременном условии его отречения от унии и возвращения в Православие. Хотя, конечно, отказываться от завоеванного в борьбе против унии права Русской Церкви самостоятельно избирать своих предстоятелей на Руси вряд ли бы уже отказались.

Великий князь Василий II писал в послании к императору Константину XI о поставлении святителя Ионы без благословения Патриарха: *«За великую нужду сие творихом, а не кичением, ни дерзостию»*. *«Церковь наша русская святейшия митропольи Русския святыя Божия вселенския сборныя апостольския церкви премудрости Божия Святыя София цариградския благословения требует и ищет и во всем по древнему благочестию повинуется»*¹⁴², — подчеркивал великий князь.

Само обращение Василия Темного к Константину XI в июле 1451 года с посланием, извещавшим о поставлении Ионы, по всей вероятности было следствием возникшей в Москве, но так и не оправдавшейся надежды, что сменивший Иоанна VIII на императорском престоле Константин XI откажется от унии и прерванная каноническая связь между Константинополем и Москвой будет восстановлена. Об этом свидетельствует тот факт, что именно великий князь обращается к императору (а не митрополит к Па-

триарху), подчеркивая: *«Не вемы, аще уже есть в державах святого ти царствия, в Царствующем граде святейший патриарх или несть»*. Очевидно, что великий князь намекает на то, что вместо покинувшего Константинополь в августе 1451 года униата Григория Маммы мог бы быть поставлен православный Патриарх.

Когда после взятия византийской столицы турками в Константинопольской Церкви действительно отказались от унии, Иона направил ставшему первым после этих событий православному Патриарху Геннадию Схоларию в ответ на его *«приказ и писание»* верительную грамоту, в которой писал: *«...благословение от твоея великыя святыни требовати хоцем; также отто всех, кто ли ни будет патриарх на патриаршество, сблюдая церковь Христову и держа истинное великое православие»*¹⁴³. После гибели Византии Иона оказывал помощь попавшим под османское иго грекам, благословив сбор на Руси пожертвований для них¹⁴⁴.

Однако далекая от реализма и конструктивности линия Патриархов, пытавшихся, вопреки происшедшим переменам, поставить под свой контроль Русскую Церковь и вмешиваться в ее дела, равно как и высокая степень зависимости Патриархов от османских султанов-мусульман, — всё это в конечном счете привело к закреплению автокефального модуса бытия Русской Церкви.

4

Став главой Русской Церкви при содействии великого князя Московского и будучи поставленным на митрополию Собором лишь великорусских епископов, Иона стремился к тому, чтобы его признали митрополитом и в западнорусских епархиях. Вскоре после возведения на митрополию Иона направил послание к православному населению Великого княжества Литовского с сообщением о своем поставлении митрополитом Киевским и всея Руси¹⁴⁵.

К этому времени королем Польским стал великий князь Литовский Казимир IV Ягеллончик¹⁴⁶. 2 мая 1447 года Казимир дал привилей князьям и боярам Великого княжества Литовского об уравнивании их в правах с поляками¹⁴⁷. Православной знати Литовского государства были предоставлены такие же права, как и католикам. Тогда же Польша вернулась под власть преемника Евгения IV — папы Николая V¹⁴⁸. Можно было ожидать, что следствием отказа от Базельского собора и примирения с Римом станет признание Флорентийской унии в Польше и Литве и принятие Исидора в качестве митрополита, тогда как Иона будет отвергнут. Но в реальности всё произошло наоборот.

Уже в послании к Киевскому князю Александру Владимировичу, написанном в конце 1449 или 1450 года, Иона извещал его о том, что Казимир Ягеллончик прислал ему грамоту, в которой высказывал намерение признать его власть над западной частью Русской Церкви: *«Бог положил на сердце великому господарю, благородному, славному, превысокому, от Вседержителя Бога превозвышенному полскому королеви и великому князю литовьскому Казимиру, самодержьцу двоих господарств, писал до нас, до своих богомольцев свой лист с великим своим жалованьем, а хочет Божией церкви церковная оправдания вся учинити по старине, а мене, своего богомолца, хочет жаловать»*¹⁴⁹. 31 января 1451 года во время посещения Литвы Казимир вместе с панями рады Великого княжества Литовского признал Иону митрополитом Киевским и всея Руси и распространил его юрисдикцию на своих православных подданных: *«Дали есми ему столец митрополичь Киевский и всеа Руси, как первее бывало, по установлению и по обычаю русскаго христианства»*¹⁵⁰.

Таким образом, для православного населения Великого княжества Литовского признание власти митрополита Ионы означало полный отказ от Флорентийской унии и юрисдикции униатского Патриарха Константино-

польского. Это парадоксальное, на первый взгляд, решение Казимира признать Иону едва ли можно объяснять религиозной терпимостью короля, который в реальности, как и его отец Ягайло, всячески стремился усилить позиции католицизма в западнорусских землях. На самом деле причины поступка Казимира следует искать в сфере внешней и внутренней политики. Он лишь незадолго до описываемых событий утвердился на Польском престоле, где его власть была ограничена крупной знатью, и даже в Литве чувствовал себя не очень уверенно после недавно пережитых страной смут, вызванных борьбой за великое княжение между Свидригайлом и Сигизмундом. Казимир был заинтересован в поддержании союзных отношений с Москвой, равно как и в лояльности литовской знати, значительную часть которой составляли православные князья и бояре.

Между тем, как справедливо отмечал Б.Н. Флоря, распространение на православное население Литовского государства власти митрополита Ионы отнюдь не означало установления равноправия Православной и Католической Церквей в государстве, а политика уравнивания в правах светских феодалов — католиков и православных, начатая в 1430-е годы и продолженная Казимиром Ягеллончиком, не распространялась на область религиозных отношений. Показательно, что в актах литовской великокняжеской канцелярии православные по-прежнему обозначались термином «схизматики»¹⁵¹. Православие оставалось в Литве вероисповеданием, терпимым всего лишь в силу того, что к нему принадлежал значительный слой формировавшейся политической элиты государства. Там, где подобного сдерживающего фактора не существовало, власти уже в середине XV века пытались форсировать обращение православных в католицизм¹⁵².

Именно так обстояли дела в Галиции, также находившейся под властью Казимира, но в составе Польского королевства, а не Великого княжества Литовского. Как

великий князь Литовский Казимир IV признал Иону митрополитом, но как король Польский отказался утвердить его юрисдикцию над епархиями Русской Церкви, находившимися на территории Галиции, хотя ранее обещал это Ионе¹⁵³.

Между тем к тому времени в западнорусских землях, подвластных Польше, вновь была восстановлена самостоятельная Галицкая митрополия, во главе которой был поставлен Иоаким, изгнанный православными из Молдавии греческий иерарх, сторонник Флорентийской унии¹⁵⁴. Иоаким, по всей видимости, управлял Галицкой митрополией до своей кончины, после которой папа Каллист III 16 января 1458 года поставил на Галицкую кафедру Макария Серба¹⁵⁵. Однако отсутствие более поздних сведений о Макарии и его преемниках на Галицкой кафедре говорит о том, что ни католические иерархи, ни король Казимир не помогли униату Макарию утвердиться в его епархии, и Галицкая кафедра на долгое время вообще прекратила свое существование, а администрирование над православными приходами в Галиции стали осуществлять митрополичьи наместники. Вероятно, власти католической Польши сознательно стремились лишить самостоятельной церковной организации православное население Галиции, где сложились условия, наиболее благоприятные для развития католического прозелитизма¹⁵⁶.

Получив признание литовских властей, митрополит Иона сразу же стал энергично осуществлять управление западной частью Русской Церкви. Уже 9 февраля 1451 года митрополит издал грамоты своему протодиакону Михаилу на наместничество в Вильно, Новогрудке, Гродно и *«по всем городом и местом и по селом, где ни есть мои митропольские церкви»*¹⁵⁷. Тем же днем датирована грамота Ионы другому своему протодиакону, Акакию, на Киевское наместничество¹⁵⁸. Со своими наместниками Иона поддерживал переписку и иногда призывал их для ответа в Москву¹⁵⁹. Для решения важнейших вопросов

церковной жизни Великого княжества Литовского митрополит регулярно отправлял посольства к Казимиру IV. О поездках в пределы Литвы самого митрополита Ионы свидетельств не сохранилось, хотя в послании к западнорусским епископам (1460 г.) Иона вспоминал о своем служении в Софийском соборе в Киеве и отмечал, что неоднократно приезжал в Западную Русь для устроения церковных дел¹⁶⁰. Но, судя по всему, в отличие от своих предшественников Иона всё же предпочитал управлять западными епархиями из Москвы. Не исключено, что это было связано в том числе с весьма почтенным возрастом Ионы, который к этому времени достиг примерно 70 лет и много болел¹⁶¹.

Свою юрисдикцию над западнорусскими епархиями Иона подтвердил епископской хиротонией¹⁶²: в период между 1451 и 1454 годами он возглавил в Москве рукоположение епископа Смоленского Мисаила¹⁶³. 28 октября 1451 года Иона вместе с Собором епископов издал в Москве грамоту на имя епископа Владимиро-Волынского и Берестейского Даниила, который ранее принял рукоположение от униата Исидора. В ответ на покаяние Даниила Иона даровал ему прощение и подтвердил его архиерейский сан¹⁶⁴. Епископу Полоцкому Симеону около 1456 года Иона направил гневное послание, в котором укорял архиерея за гордость и непочтительное отношение к своему митрополиту¹⁶⁵. Как видно из текста послания, раздражение митрополита вызвало то, что епископ употребил по отношению к нему обращение «*брат*», что было, по мнению Ионы, недопустимо. При этом сам митрополит, обращаясь к Симеону Полоцкому (равно как и к другим русским епископам), называл его «*сыном*».

Среди событий церковной жизни времени митрополитского служения Ионы, которые подчеркивали единство литовской и московской частей Русской Церкви, следует особо отметить состоявшуюся 18 января 1456 года торжественную церемонию возвращения в Смоленск главной

святыни этого города, ранее перенесенной в Благовещенский собор Московского Кремля, — Смоленской иконы Божией Матери. Икона была возвращена в Смоленск по просьбе епископа Мисаила, прибывшего к Ионе «*со многими мстичи Смоленскими бити челом ему, что бы пожаловал отпустил икону Пресвятыя Богородица*»¹⁶⁶. По настоянию митрополита в Москве был оставлен один из списков Смоленской иконы, перед которым он приказал ежедневно совершать молебен с акафистом.

Митрополит Иона недолго возглавлял единую Русскую Церковь. В 1458 году в Риме было принято решение разделить «виртуально» существовавшую под главенством Исидора униатскую Русскую митрополию и образовать отдельную униатскую митрополию «Киевскую, Литовскую и всея Руси». Пребывавший в Риме униатский Константинопольский Патриарх Григорий Мамма 15 октября 1458 года поставил на западнорусскую митрополичью кафедру ученика Исидора — Григория¹⁶⁷. На поставлении Григория настаивал еще папа Каллист III, но подтверждающую грамоту выдал униатскому митрополиту 11 сентября 1458 года уже Пий II. Король Казимир был не только извещен Римской курией о происшедшем, но получил от папы Римского послание с просьбой не признавать Иону митрополитом на территории Польско-Литовского государства и не допускать подчинения ему западнорусских епархий.

В состав униатской митрополии Григория должны были войти епархии, расположенные на территории Великого княжества Литовского: Черниговско-Брянская, Смоленская, Полоцкая, Турово-Пинская, Владимиро-Волынская, Луцкая, а также православные епархии на территории Польши: Перемышльская, Холмская и Галицкая. Вскоре Исидор передал Григорию также права и на великорусскую часть Русской Церкви, о чем в январе 1459 года Рим снова уведомил короля Казимира, которого Пий II просил оказать содействие Григорию в утверждении его власти

во всей Русской Церкви. Ничего не известно о какой-либо инициативе в отношении этого проекта реанимации Флорентийской унии в западнорусских землях со стороны короля или западнорусского духовенства — очевидно, он был разработан в Риме¹⁶⁸.

Митрополит Иона прилагал значительные усилия для того, чтобы удержать православное население Литвы под своей властью. К концу 1458 года до него дошли первые известия о назначении униата Григория митрополитом в западнорусские земли. В связи с этим Иона направил в Литву посольство, которое возглавили игумены Троице-Сергиева монастыря Вассиан Рыло¹⁶⁹ и Кирилло-Белозерского монастыря Кассиан¹⁷⁰. Они привезли датированное 20 декабря 1458 года окружное послание Ионы к православным верующим Великого княжества Литовского¹⁷¹. В своей грамоте православный митрополит призывал западнорусскую паству не признавать и не принимать митрополита-униата и сохранять верность Православию. Тогда же Василий II направил своих послов к Казимиру IV, предлагая ему не принимать Григория¹⁷².

Троицкий игумен Вассиан посетил в Киеве вдову князя Александра (Олелько) Владимировича Анастасию Васильевну Московку, происходившую из Московского княжеского дома,¹⁷³ и ее детей — Киевского князя Семена Александровича и Слуцкого князя Михаила Александровича Олельковичей. Они заверили игумена, что сохраняют верность Православию и Ионе¹⁷⁴. По словам Вассиана, от киевской княжеской семьи он получил такой ответ: *«Мы, деи, о своем православьи смотрим о всем на Господа Бога и на Пречистую Его Богоматерь, и на своего господина, в благочестьи цветущаго православнаго великаго князя... и отцем собе и учителем держим господина отца нашего Иону митрополита»*¹⁷⁵.

Поскольку Киевская княжеская семья выступила против поставления Григория на митрополию и продолжала признавать митрополитом Киевским и всея Руси

Иону, Григорий был вынужден проживать не в Киеве, а при дворе Казимира Ягеллончика в Вильне или Новогрудке. В княжествах Киевском и Слуцком и Киево-Печерском монастыре Григория не признавали митрополитом, вероятно, до самой его кончины в 1473 году.

Иона цитировал ответ киевских князей в своих посланиях епископам западнорусских епархий как аргумент в пользу непризнания униата Григория¹⁷⁶. Грамоты, направляемые Ионой, были адресованы не только персонально отдельным иерархам, но и всему западнорусскому епископату в целом — Иона отправлял их еще дважды, в 1459¹⁷⁷ и 1460 гг.¹⁷⁸. В них неизменно звучала тема отступничества греков (в том числе — митрополитов Исидора и Григория) от Православия на Ферраро-Флорентийском соборе, с чем Иона связывал взятие Константинополя турками. В то же время Иона демонстрировал готовность принять в Москве западнорусских епископов в случае, если «от кого будет какова о том истома и нужда»¹⁷⁹, т.е. если начнутся гонения за отказ признать митрополитом Григория.

13 декабря 1459 года в Москве под председательством митрополита Ионы собрался Собор епископов, который обратился к западнорусским архиереям с призывом не признавать Григория митрополитом, хранить верность Ионе и не отступать от Православия. В соборной грамоте отмечалось: «Ныне цареградская церковь поколебалася, от нашего православия отступила и обладаема языки»¹⁸⁰. Великорусские епископы — участники Собора особой присяжной грамотой¹⁸¹ засвидетельствовали свою верность Ионе и его преемникам на митрополии, что связывалось ими с сохранением верности Православию в противоположность западнорусским архиереям, которые с признанием Григория своим митрополитом тем самым приняли унию и соединились с Католической Церковью.

Следствием московско-литовского церковного противостояния стал и оформленный в тексте при-

сяжной грамоты новый порядок поставления Русских митрополитов¹⁸², предусмотренный на будущее: «...иный митрополит поставлен будет по избранию Святаго Духа и по святым правилом святых апостол и святых отец, и по повелению господина нашего великого князя имярек, русскаго самодрѣжца, в той зборной церкви Святыя Богородици на Москве на той великий престол у гроба святаго Петра митрополита».

Король Казимир IV не внял призыву великого князя Василия Темного и, отвергнув Иону, признал Григория законным митрополитом, оказав ему поддержку, когда тот прибыл в Западную Русь. Более того, король прислал в Москву свое посольство, которое дерзко потребовало передать под управление Григория и великорусские епархии¹⁸³. Архиереи и духовенство западных епархий Русской Церкви также не проявили стойкости и уже в 1459 году некоторые из них признали митрополита-униата Григория, о чем с горечью писал Иона: «Слышим же, яко неции тамо в вас приобѣщаются ему и служат с ним, забывше свое исповедание пред Богом в свое поставление. Сиих же того ради православная церковь ни имеет их за христиани, но за отступника своея веры и пособника их ересей»¹⁸⁴. К началу 1460 года западнорусские епархии окончательно отпали от Ионы и перешли под власть Григория¹⁸⁵.

Хотя Иона не смог удержать под своим омофором западнорусские епархии, ему всё же удалось не допустить перехода под власть Григория великорусских епархий. Конечно, у иерархов Северо-Восточной Руси не было никаких причин тяготеть к униии и признавать над собой юрисдикцию митрополита-униата. Однако у этой проблемы существовал еще и политический аспект. То, что митрополит Иона и великий князь Василий Темный почти всегда, в любом вопросе действовали на редкость единодушно и слаженно, убеждало в том, что с началом независимого от греков бытия Русской митрополии станет более тесным ее союз с московской великокняжеской

властью. Такая перспектива не могла устраивать те области Северо-Восточной Руси, которые еще сохраняли свою независимость от Москвы, прежде всего, Тверское княжество и Великий Новгород. Соответственно, могли возникнуть сложности церковно-юрисдикционного порядка и в епархиях, имевших центры в этих городах.

Действительно, архиереи Твери и Новгорода в событиях, связанных с поставлением Григория на Западнорусскую митрополию, проявили некоторые колебания, и у Ионы, похоже, появились сомнения в их лояльности. Архиепископ Новгородский Иона и епископ Тверской Моисей не принимали участия в Московском Соборе 1459 года. Возможно, именно неопределенность отношения Моисея к Григорию и привела к сведению этого епископа с Тверской кафедры и замене его Геннадием (Кожиным), хиротонию которого Иона возглавил в Москве 22 марта 1461 года буквально на пороге своей кончины. Показательно, что в своей присяжной грамоте Геннадий Тверской обязался иметь митрополита Иону своим *«отцом и наставником»*, а митрополита-униата Григория, *«или кто ины митрополит будет поставлен от латын»*, не признавать и *«не приступати ми к нему, ни приобщения, ни соединения ми с ним не имети никакова»*¹⁸⁶.

В отношении архиепископа Ионы Новгородского митрополит Иона ограничился лишь отсылкой ему летом 1459 года грамоты¹⁸⁷, сообщавшей об отправке в Литовское государство митрополичьих послов¹⁸⁸ и содержавшей требование не признавать Григория. Вероятно, что сомнений по поводу верности архиепископа Ионы у митрополита Ионы было меньше, чем в случае с Моисеем Тверским. Иона Новгородский получил поставление в Москве 1 февраля 1459 года¹⁸⁹, чем уже засвидетельствовал, что признает своим митрополитом Иону, а не Григория¹⁹⁰. При своем поставлении, как напоминал митрополит Иона в послании своему тезке-архиепископу, последний клятвенно обязался *«еже латинства остерегатися»* и не

признавать Григория¹⁹¹. О лояльности Ионы Новгородского митрополиту Ионе свидетельствует и тот факт, что по возвращении в Новгород после состоявшейся в Москве архиерейской хиротонии архиепископ Иона заложил на своем дворе первый в Новгородской земле храм во имя преподобного Сергия Радонежского — одного из самых почитаемых московских святых¹⁹². Таким образом, в Москве, вероятно, сомневались скорее не в личной позиции архиепископа Ионы, а в отношении линии политической элиты Великого Новгорода, которая могла использовать церковный конфликт между митрополитами Ионой и Григорием в формировании своей сепаратистской стратегии по отношению к московской великокняжеской власти¹⁹³. В любом случае, униату Григорию не удалось утвердить свою власть ни в одной из епархий Северо-Восточной Руси.

Следует отметить, что в грамоте Московского Собора 1449 года впервые появляется выражение «Московская Церковь», которое впоследствии закрепится по отношению к автокефальной Русской митрополии с центром в Москве. Преемники Ионы, последнего главы единой Русской Церкви, официально именовавшегося «митрополитом Киевским и всея Руси», уже будут титуловаться «митрополитами всея Руси»¹⁹⁴. Киев исчезает из титула предстоятеля Русской Церкви, поскольку после поставления на митрополию Григория он стал ассоциироваться с утвердившейся в Западной Руси унией, а не просто с отдельным Литовским митрополитом, как это было прежде, когда уже имели место случаи разделения единой Русской Церкви на две митрополии¹⁹⁵. Понятие «Московская Церковь» становится символом сохранения верности Православию и неприятия унии.

Занятая Москвой жесткая позиция борьбы за сохранение Православия и решительный разрыв с приверженцами унии сначала в Византии, а затем в Западной Руси, — всё это привело к закреплению мысли о необходимости

целиком самостоятельно строить жизнь Русской Церкви, то есть перейти к полной автокефалии. События, пережитые в связи с заключением Флорентийской унии и попыткой ее вторичного насаждения в западнорусских епархиях после поставления Григория, настолько радикально повлияли на сформировавшийся в Москве при митрополите Ионе и великом князе Василии Темном церковный курс, что изменить его в дальнейшем уже не смогли ни отказ от унии во взятом турками Константинополе, ни провал новой попытки введения унии в Польско-Литовском государстве. Таким образом, именно святителю Ионе было суждено стать первым предстоятелем автокефальной Русской Церкви, но в то же время и последним митрополитом, чья юрисдикция распространялась на всю Русь, как Литовскую, так и Московскую.

Сокращения

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России

АИ — Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым = *Historica Russiae Monumenta*

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.

ВВ — Византийский временник

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПЭ — Православная энциклопедия

РИБ — Русская историческая библиотека

РФА — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси

ПДРКП — Памятники древнерусского канонического права

Примечания

¹ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 71. Стб. 576–586; РФА. М., 2008. № 13. С. 105–107.

² РФА. М., 2008. № 65. С. 223–226.

³ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 176; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 253.

⁴ Даже спустя несколько лет Василий II хранил обиду на поведение византийцев, не пожелавших с ним считаться. Об этом он, в частности, писал в своем послании в Константинополь в 1441 г. (РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 62. Стб. 525–536).

⁵ Исидор родился ок. 1380–1390 гг. в г. Монемвасия на Пеллопоннесе. Относительно его происхождения высказывались различные мнения: его называли как греком, так и итальянцем, эллинизированным болгаринном или иным славянином (*Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного. Ч. 1. К., 1904. С. 34–35). Около 1410–1411 г. Исидор принял монашество в монастыре св. Архангела Михаила в Монемвасии. Слушал лекции по платоновской философии у Георгия Гемиста Плифона. В 1420-е гг. был близок ко двору императора Иоанна VIII. В 1430-е гг. стал игуменом монастыря св. Димитрия Солунского в Константинополе, ктиторами которого были члены императорской семьи Палеологов (*Акишин С.Ю., Флоря Б.Н., Э.П.И.* Исидор // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 177–182; *Акишин С.Ю.* Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1. 2011. С. 70–101).

⁶ В начале XV в. это впервые сделал император Мануил II Палеолог.

⁷ Это наглядно показала Столетняя война между Англией и Францией, последние сражения которой еще продолжались в то время.

⁸ Папа Римский в 1431–1447 гг.

⁹ Это произошло несмотря на то, что сближение папы с Византией было осложнено противостоянием Евгения IV и Базельского собора Католической Церкви. Кроме того, в Риме произошло восстание, в результате которого папа в 1434 г. был вынужден бежать во Флоренцию, где ему предоставил защиту и покровительство Козимо Медичи. Лишь в 1436 г. Евгений IV укрепил свое положение и смог вернуться в Рим.

¹⁰ В конце 1433 г. в составе византийской делегации Исидор был направлен императором Иоанном VIII для переговоров об унии на Базельский собор. По пути в Базель византийские представители в Ульме встретились с императором Священной Римской империи Сигизмундом Люксембургским, которому они передали письма от Иоанна VIII. Исидор произнес перед Сигизмундом речь, призвав его способствовать достижению единства христианской Церкви. В Базель греки прибыли в июле 1434 г., после чего приступили к переговорам о времени и месте проведения предстоящего объединительного собора. В апреле 1435 г. было решено, что представители Восточной Церкви приедут для переговоров об унии в Базель или какой-либо иной город Западной Европы. Византийские послы присутствовали на Базельском соборе до начала 1436 г. Приезжавший в 1436–1437 гг. в Константинополь в качестве посланника Базельского собора Иоанн Стойкович отзывался об Исидоре как об одном из главных приверженцев унии среди греков. Готовясь к проведению объединительного собора, император Иоанн VIII без ведома Патриарха Константинопольского Иосифа добился того, что именно Исидор был назначен официальным представителем Антиохийского Патриарха, которому османы не позволяли участвовать в предстоящем соборе (Акишин С.Ю., Флоря Б.Н., Э.П.И. Исидор // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 177–182; Попов И.Н., Орецкая И.А. Иоанн VIII Палеолог // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 598–601).

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 253.

¹² ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 176.

¹³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 74; Т. 18. СПб., 1913. С. 176; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 253.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 176. Несмотря на попытку договориться с великим князем Литовским Сигизмундом, в состав митрополичьей свиты так и не удалось включить представителей духовенства «литовской» части Русской митрополии (Акишин С.Ю., Флоря Б.Н., Э.П.И. Исидор // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 177–182).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 25.

¹⁶ В Пскове Исидор отпраздновал Рождество и задержался на целых 7 недель, устраивая в городе церковную жизнь. По примеру своих предшественников на Русской митрополии Исидор

также стремился оказывать влияние на Псков через голову Новгородского архиепископа Евфимия II Вяжицкого, в юрисдикции которого находились псковичи. Митрополит Исидор назначил в Псков своего наместника — им стал архимандрит Геласий (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 44). Тем самым Псков и прилегающая к нему земля, по сути, были изъяты из состава Новгородской епархии и напрямую подчинены митрополичьей юрисдикции.

¹⁷ Хождение на Флорентийский собор // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 464–487.

¹⁸ Базельский собор, открывшийся еще в 1431 г., продолжил линию Констанцкого собора и предпринял новую попытку ограничить власть папы Римского в Католической Церкви, поставив авторитет собора выше папского. Это привело к разрыву отношений между Евгением IV и Базельским собором. 18 сентября 1437 г. папа издал буллу, объявлявшую о перенесении собора из Базеля в Феррару. Сторонники Евгения IV покинули Базель, оставшиеся участники собора продолжали работу до 1449 г. и в дальнейшем избрали «альтернативного» папу — Феликса V (это был отрекшийся от престола герцог Амадей Савойский). В католической традиции он считается антипапой.

¹⁹ Ко времени прибытия русской делегации в Феррару здесь уже почти полгода находились представители Византии: делегацию возглавляли император Иоанн VIII и Патриарх Константинопольский Иосиф II, в ее составе были 22 митрополита, множество священнослужителей и мирян, в том числе представлявших других Восточных Патриархов (Хождение на Флорентийский собор // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 464–487). Торжественное открытие собора состоялось 9 апреля 1438 г. В церемонии, которая прошла в Великую Среду в церкви св. Георгия в Ферраре, приняли участие папа Евгений IV и император Иоанн VIII, многочисленные латинские и греческие иерархи (*Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439). СПб., 2010. С. 117–119). Однако после этого собор долгое время не мог приступить к полноценной работе, т.к. в Феррару так и не прибыли представители западноевропейских монархов, без которых невозможно было провести переговоры о предоставлении военной помощи Византии. Германский

император Сигизмунд скончался, не успев прибыть на собор, а остальные государи проигнорировали проводимое Евгением IV мероприятие — большинство из них встали на сторону Базельского собора.

²⁰ *Удальцова З. В.* Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3. С. 106–132.

²¹ В православной традиции кульминацией Евхаристии, после которой преложение Святых Даров считается совершившимся, является молитва эпиклезы — призывания Святого Духа.

²² *Сиропул Сильвестр.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439). СПб., 2010. С. 268–269.

²³ *Actorum graecorum concilii Florentini / J. Gill.* Roma, 1953. P. 459–472.

²⁴ *Амвросий (Погодин), архим.* Святой Марк Эфесский и Флорентийская Уния. М., 1994 (репринт — N.Y., 1963). С. 223.

²⁵ *Actorum graecorum concilii Florentini / J. Gill.* Roma, 1953. P. 459–472.

²⁶ *Сиропул Сильвестр.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439). СПб., 2010. С. 275–277.

²⁷ Там же. С. 282–283.

²⁸ Архиеереи Грузинской, Александрийской и Иерусалимской Церквей соответственно (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 257).

²⁹ В подлиннике по-гречески: «*Ἰσίδωρος μητροπολίτης Κιέβου καὶ πάσης Ῥωσίας καὶ τὸν τόπον ἐπέχων τοῦ ἀποστολικοῦ θρόνου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Ἀντιοχείας Λαορθέου στέργων καὶ συναίνων ὑπέγραψα*» (Акишин С.Ю. Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1. 2011. С. 70–101).

³⁰ Акишин С.Ю. Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1. 2011. С. 70–101. Прим. 160.

³¹ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. [Приложения]. С.450. В свидетельстве Симеона о заточения Авраамия Исидором можно усомниться: книжник, входивший в ближайшее окружение Суздальского архиеерея, вполне мог присочинить

рассказ о заточении Авраамия, чтобы оправдать его действия. А.А. Турилов считает, что убедить Суздальского епископа подписать унию могла позиция большинства греческих иерархов, участвовавших в Ферраро-Флорентийском соборе (Турилов А.А. Авраамий, еп. Суздальский // ПЭ. Т. 1. М., 2000. С. 166–167). В то же время в истории действительно известны факты употребления тюремного заточения и даже сажания на цепь в качестве наказания по отношению к архиереям и настоятелям монастырей Русскими митрополитами последующего времени — Ионой и Геронтием. Можно допустить, что это было нормой для той эпохи, и Исидор также мог применить подобную меру по отношению к Авраамиию.

³² Вместе с митрополичьим дьяком Василием Карлом Авраамий обличал Исидора, обвиняя его в измене Православию, а затем был участником Архиерейского Собора 1441 г., осудившего унию (Турилов А.А. Авраамий, еп. Суздальский // ПЭ. Т. 1. М., 2000. С. 166–167).

³³ Уже 12 сентября 1439 г. латинскому архиепископу Родоса Андрею Хрисовергу Папой было предоставлено право в случае смерти или перевода на другую кафедру православного митрополита Родоса Нафанаила управлять всем христианским населением острова (Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 375).

³⁴ *Сильвестр Сиропул*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439). СПб., 2010. С. 285–288.

³⁵ Хождение на Флорентийский собор // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 464–487.

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 257. Симеон Суздалец уверял, что во время мессы покинул свое место, чтобы избежать публичного совершения поклона перед Евгением IV (Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. [Приложения]. С. 450).

³⁷ *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного. Ч. 1. К., 1904. С. 90–91.

³⁸ Хождение на Флорентийский собор // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 464–487.

³⁹ Из Венеции русская делегация направилась домой через север Хорватии (города Пореч и Пула), Венгрию и Польшу.

⁴⁰ В то время — столица Польского королевства.

⁴¹ Великий князь Литовский с 1440 г. по 1492 г., с 1447 г. также король Польши. Окончательно утративший к этому времени великое княжение Литовское Свидригайло в 1442–1452 гг. княжил в Луцке на Волыни, который с 1443 г. стал центром удельного княжества в составе Литовского государства.

⁴² Хождение на Флорентийский собор // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 464–487.

⁴³ Митрополит в то время находился в венгерской столице Буде.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 258; *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. [Приложения]. С. 453–454.

⁴⁵ В храме г. Сонча и кафедральном соборе в Краковском Вавельском замке (*Dlugosz J. Opera omnia. Cracoviae, 1877. Т. 13. Р. 624*).

⁴⁶ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 421.

⁴⁷ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 389.

⁴⁸ Галицкая кафедра в это время оставалась вакантной, так как считалась объединенной с Киевской митрополицией.

⁴⁹ *Акишин С.Ю., Флоря Б.Н., Э.П.И. Исидор* // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 177–182.

⁵⁰ Сын Владимира Ольгердовича Киевского и вассал великого князя Литовского Казимира Ягеллончика.

⁵¹ *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 179–181.

⁵² Князь также пожаловал митрополицией кафедре доходы от «*мыта конского*» и половину «*осмничего*». В то же время «*митрополичьи люди*» были обязаны продолжать нести лежавшие на них ранее повинности, в том числе — чинить часть крепостных укреплений Киева.

⁵³ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. [Приложения]. С. 450–451.

⁵⁴ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 451.

⁵⁵ В целом же для православных князей Литовского государства того времени была характерна широкая веротерпимость, временами вообще напоминающая религиозный индифферентизм. Так, например, тот же православный князь Киевский Александр (Олелько) Владимирович в конце 1444 или начале 1445 г. выдал в Киеве еще одну жалованную грамоту властям римско-католического костела св. Михаила в Слуцке на село, людей-данников и различные денежные выплаты в пользу латинского прихода (*Лицкевич А. У. Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum głównego akt dawnych у Варшаве // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / склад.: Л. Г. Кірухіна, К. В. Суша. Мінск, 2009. Вып. 11. № 1. С. 13–16*).

⁵⁶ *Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 388–389.*

⁵⁷ Тем не менее, памятью о радушном приеме, который митрополиту оказали перед его поездкой на Ферраро-Флорентийский собор в Пскове, Исидор прислал в этот город свои благословенные грамоты, а в январе 1441 г. направил сюда своего наместника Григория.

⁵⁸ *Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 391.*

⁵⁹ Для православных москвичей данное обстоятельство, вероятно, представлялось особенно возмутительным, так как митрополит-кардинал прибыл в столицу Руси «в неделю 3 поста», т.е. Крестопоклонное воскресенье.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 258, 260–261.

⁶¹ Там же. С. 258–259.

⁶² Там же. С. 259.

⁶³ РФА. М., 2008. № 24. С. 137–140.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 259.

⁶⁵ Там же. С. 261.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 150.

⁶⁷ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 62. Стб. 525–536.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 150.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 41.

⁷¹ Позднее происхождение этой версии московских событий

1441 г. отмечал А.А. Зимин (А.А. *Зимин*. Витязь на распутье. М., 1991. С. 92).

⁷² Очевидно, что в столице Руси ко времени появления здесь Исидора уже давно были в курсе его активного участия в заключении унии и успели подготовиться к его приезду. Въезд митрополита, совершенный с нарочитыми атрибутами его достоинства кардинала и папского легата, литургическое поминовение Папы и оглашение ороса Ферраро-Флорентийского собора — все это было в глазах великого князя и епископата Русской Церкви лишь действиями, изобличавшими Исидора как отступника от Православия и служившими поводом для соборного суда над ним.

⁷³ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 150.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 261.

⁷⁵ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 396.

⁷⁶ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 62. Стб. 525–536.

⁷⁷ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 396–397.

⁷⁸ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 62. Стб. 525–536.

⁷⁹ Текст сохранился в составе Софийской второй (ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. М., 2001. Стб. 92–97) и Львовской летописей (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 251–254).

⁸⁰ Датировка см.: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 398.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. М., 2001. Стб. 97; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 254.

⁸² В миру — Мелиссинос Стратигопул.

⁸³ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. [Приложения]. С. 462–465.

⁸⁴ Там же. С. 459–462.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. М., 2003. С. 46.

⁸⁶ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 399–404.

⁸⁷ Acta slavica Concilii Florentini: Narrationes et documenta / Ed.

J. Krajcar. Roma, 1976. P. 151. Цит. по: *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 405. О том, что в Западной Руси имели весьма слабое представление как о положении дел в Русской Церкви после заключения Флорентийской унии, так и о самих решениях униатского собора, также свидетельствует послание Патриарха-униата Григория Маммы Киевскому князю Александру Владимировичу, написанное около 1446–1447 гг. в ответ на его обращение к Патриарху за разъяснением (*Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. [Приложения]. С. 465–466).

⁸⁸ *Акишин С.Ю., Флоря Б.Н., Э.П.И. Исидор* // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 177–182.

⁸⁹ Владислав III с тех пор вошел в историю под прозвищем Варненчик.

⁹⁰ Правда, султан Мурад, совершив в 1446 г. карательный рейд в Морею, медлил с завоеванием столицы Византии

⁹¹ *Попов И.Н., Орецкая И.А.* Иоанн VIII Палеолог // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 598–601.

⁹² Будучи, как и Иоанн VIII, сыном императора Мануила II Палеолога и принцессы из сербской королевской династии Елены Драгаш, Константин унаследовал свое прозвание от матери. Константина Драгаша иногда в литературе именуют Константином XII, считая в ряду императоров Константином XI Константина Ласкариса, который, вероятно, не был коронован.

⁹³ *Акишин С.Ю., Флоря Б.Н., Э.П.И. Исидор* // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 177–182.

⁹⁴ Вместе с Дмитрием Шемякой против великого князя Василия Васильевича выступил еще один его двоюродный брат — Иван Андреевич Можайский. Но Василий II передал Можайскому князю во владение Суздаль и примирился с ним. Для этого пришлось изгнать из Суздаля князя Александра Васильевича Чарторыйского, которому прежде был передан этот город. В результате князь Чарторыйский тоже подключился к войне против Василия II (ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 150–151).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 151.

⁹⁶ *Флоря Б.Н.* Василий II Васильевич / ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 110–115.

⁹⁷ После непродолжительного пребывания на ханском престоле был изгнан соперниками и откочевал со своей ордой на север.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 192-193; Т. 23. СПб., 1910. С. 151.

⁹⁹ В походе приняли участие князь Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Верейский, Василий Ярославич Серпуховской, Дмитрий Юрьевич Галичский (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 262). Под Муромом и Гороховцом русские смогли разбить ордынцев, но снять осаду с Нижнего Новгорода не удалось, и тогда московские воеводы сожгли и покинули город (ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 193). Сыновья Улуг-Мухаммеда — Махмутек и Якуп также захватили город Лух и начали грабить великокняжеские владения в Суздальской земле.

¹⁰⁰ Ими командовали сыновья Улуг-Мухаммеда.

¹⁰¹ Пленником ордынцев также стал князь Михаил Андреевич Верейский. Множество воевод и воинов погибло в сражении.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 193-194; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 262-263.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 195; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 263.

¹⁰⁴ Вместе с великим князем был освобожден и князь Михаил Андреевич Верейский.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 195; Т. 23. СПб., 1910. С. 152; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 263-264.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 196; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 264.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 196; Т. 23. СПб., 1910. С. 152.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 152.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 264-266. После этого великий князь получил свое знаменитое прозвание: Василий Темный

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 152.

¹¹¹ РФА. М., 2008. № 65. С. 223-226.

¹¹² ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 266-267; Т. 26. М., 2004. С. 203.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 198; Т. 23. СПб., 1910. С. 152; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 266.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 199; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 266.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 199; Т. 23. СПб., 1910. С. 152; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 266.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 200; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 266-267.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 200; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 267.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 153.

¹¹⁹ Многие представители московской элиты служению Дмитрию Шемяке предпочли бегство на окраины Московского государства и даже в пределы Великого княжества Литовского.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 201; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 267.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 153.

¹²² Ученик и преемник на игуменстве преп. Кирилла Белозерского.

¹²³ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 153. Впоследствии, вернувшись на великое княжение, Василий II отблагодарил Трифона, назначив его в 1448 г. архимандритом монастыря Спаса на Бору в Московском Кремле и своим духовником. Впоследствии Трифон участвовал в составлении завещания великого князя. Другой ученик преп. Кирилла Белозерского — игумен Ферапонтова монастыря преп. Мартиниан Белозерский в 1447 г. был назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря.

¹²⁴ Закрепляя новый политический союз, Василий и Борис решили связать узами брака своих детей: Тверская княжна Мария Борисовна была выдана замуж за старшего сына и наследника Василия II — Ивана Васильевича, будущего великого князя Ивана III.

¹²⁵ Свою помощь великому князю Василию Темному предложили даже ордынские царевичи Касим и Якуп, сыновья недавно воевавшего с ним Улуг-Мухаммеда.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 201–203; Т. 23. СПб., 1910. С. 153–154; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 269.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 203; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 269.

¹²⁸ РФА. М., 2008. № 19. С. 119–129.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 203–204; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 269.

¹³⁰ При возведении святителя Ионы на митрополицию кафедре над ним, судя по всему, Собором русских епископов была вновь совершена архиерейская хиротония. Сам митрополит по этом поводу позднее вспоминал в своей духовной грамоте: «...рукополагахся от боголюбивых епископ земли нашеа митро// политом на Киев и на всю Русь» (Грамота духовная господина преосвященного Ионы митрополита Киевского и всеа Руси // *Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии*

Русской Церкви. М.; СПб., 2009. Грамоты и послания Митрополита Ионы. № 29. С. 379–384). В дальнейшем совершение повторной архиерейской хиротонии станет неотъемлемой чертой чина интронизации предстоятелей Русской Церкви, которая будет отменена лишь при Патриархе Никоне в середине XVII в.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 270.

¹³² В Риме в то время, правда, продолжали *de jure* числить митрополитом всея Руси Исидора.

¹³³ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 270.

¹³⁴ РФА. М., 2008. № 65. С. 223–226.

¹³⁵ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 71. Стб. 576–586; РФА. 2008. № 13. С. 105–107.

¹³⁶ РФА. М., 2008. № 7.1. С. 93.

¹³⁷ РФА. М., 2008. № 65. С. 223–226.

¹³⁸ Грамота духовная господина преосвященного Ионы митрополита Киевского и всея Руси // *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. Грамоты и послания Митрополита Ионы. № 29. С. 379–384.

¹³⁹ Такую трактовку событий, предлагал, например, митрополит Макарий (Булгаков) (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 20; С. 480. Прим. 17).

¹⁴⁰ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 191.

¹⁴¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. Прил. С. 336–366.

¹⁴² РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 71. Стб. 576–586; РФА. М., 2008. № 13. С. 105–107.

¹⁴³ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 263. С. 495–496; *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. Грамоты и послания Митрополита Ионы. № 29. С. 402.

¹⁴⁴ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 264. С. 496; РФА. 2008. № 22. С. 134–135.

¹⁴⁵ РФА. М., 2008. № 7.1. С. 93; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 64. Стб. 539–542. Грамоту доставил в Литву митрополичий посол в ранге боярина.

¹⁴⁶ Правил в Польше и Литве до своей кончины в 1492 г.

¹⁴⁷ АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 61. С. 73–77.

¹⁴⁸ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 408.

¹⁴⁹ РФА. М., 2008. № 65. С. 223–226; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 66. Стб. 555–564.

¹⁵⁰ РФА. М., 2008. № 29. С. 151–152. РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 67. Стб. 563–566. Среди подписавших присланную в Москву из Вильно грамоту в числе других членов рады (сената) Великого княжества Литовского, участвовавших в принятии решения о признании Ионы, подписал и «*князь Матей, бискуп виленский*», то есть тот самый римско-католический епископ Матфей, глава диоцеза литовской столицы, который ранее не захотел признать полномочия Исидора как папского легата. Виленскому епископу признание власти Ионы над православными верующими Литвы, вероятно, представлялось меньшим злом, чем принятие на базе Флорентийской унии равноправия верующих латинского и греческого обрядов внутри Католической Церкви, против чего польско-литовская католическая иерархия продолжала возражать даже после примирения с папой Николаем V.

¹⁵¹ Т.е. раскольники.

¹⁵² *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 410.

¹⁵³ В своем послании к Казимиру Иона напоминал королю о его неисполненном обещании: «*Хотел еси всю извечную старину церковную исполнити и церковь Божию, свою богомолию, свершенно в единачестве учинити хотел еси, еси, в другом своем богомолии и господарьстве, галичьской митрополии, Божии церкви и дома церковныи к той своей богомолии, киевской церкви, к Святей Софеи и киевскому столу, отдати по старине*» (РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 68. Стб. 565–570).

¹⁵⁴ Иоаким первоначально был епископом Агафополя, затем как ставленник униатского Патриарха Константинопольского Григория Маммы и императора Иоанна VIII сменил на Молдавской кафедре умершего в ноябре 1447 г. митрополита Дамиана, участника Флорентийского Собора. Однако поставление митрополита-униата на Галицкую кафедру отнюдь не привело к принятию унии его паствой, и такое положение дел только подкрепляло отрицательное отношение польско-литовского католического епископата к Флорентийской унии как пред-

приятию не только бесполезному, но и вредному для дела католического прозелитизма.

¹⁵⁵ В прошлом Макарий был монахом монастыря св. Киприана в Константинополе.

¹⁵⁶ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 410–413.

¹⁵⁷ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 69. Стб. 569–572.

¹⁵⁸ РФА. М., 2008. № 44. С. 181–182. Позднее святитель Иона назначил в Киев нового наместника — архимандрита Акакия. Митрополит предписал Давыду передать церковное и домовое имущество своему преемнику, «возвестя» об этом княгине Анастасии Васильевне Московке, вдове князя Александра (Олелько) Владимировича, и их сыну — Киевскому князю Семену Александровичу, после чего прибыть в Москву (РФА. М., 2008. № 57. С. 205; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 76. Стб. 603–604).

¹⁵⁹ В частности, это видно из направленного Ионой из Москвы в 1453 или 1454 г. послания Киевскому князю Александру Владимировичу или его сыну Семену с просьбой отпустить в Москву киевского митрополичьего наместника Давыда (РФА. М., 2008. № 53. С. 199).

¹⁶⁰ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 87. Стб. 645–658.

¹⁶¹ О своей старости митрополит упоминает в написанном около 1458 г. послании к нареченному Полоцкому епископу Каллисту (РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 79. Стб. 613–616).

¹⁶² Возможно, это была первая епископская хиротония за время митрополичьего служения Ионы.

¹⁶³ В миру — князь Пеструч, или Пеструцкий (РФА. М., 1987. Вып. 3. № 11. С. 600–601; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 72. Стб. 585–590).

¹⁶⁴ РФА. М., 2008. № 58. С. 206.

¹⁶⁵ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 78. Стб. 611–612.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 209–210; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 273–274.

¹⁶⁷ Также известен в исторической литературе под именем Григорий Болгарин, хотя современные ему источники его так не называют и о болгарском происхождении митрополита не сообщают.

¹⁶⁸ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское

и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 416.

¹⁶⁹ Будущий архиепископ Ростовский и Ярославский.

¹⁷⁰ РФА. М., 2008. № 28. С. 149–150.

¹⁷¹ РФА. М., 2008. № 5. С. 89–91.

¹⁷² РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 100. Стб. 707–712.

¹⁷³ Княгиня была дочерью великого князя Василия I Дмитриевича и доводилась родной сестрой великому князю Василию II Васильевичу.

¹⁷⁴ Свою верность митрополиту Ионе и возглавляемой им Церкви княжеская семья Оленьковичей засвидетельствовала, когда в 1459 г. при содействии архимандрита Киево-Печерского монастыря Николая передала в качестве вклада в Троице-Сергиев монастырь волости Передол и Почап с прилежащими селами, землями и угодьями, расположенными в Малоярославецком уезде. (*Розов В. Українські грамоти. Т. 1. № 94. С. 173–174; АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 279. С. 200*).

¹⁷⁵ РФА. М., 2008. № 24. С. 137–140; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 89. Стб. 671–674.

¹⁷⁶ В частности, об этом сообщалось в грамоте, которую Иона направил Смоленскому епископу Мисаилу (РФА. М., 2008. № 24. С. 137–140; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 89. Стб. 671–674). Послания аналогичного содержания митрополит рассылал и другим западнорусским архиереям, например, епископу Черниговскому и Брянскому Евфимию (*Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. Грамоты и послания Митрополита Ионы. № 49. С. 427–430*).

¹⁷⁷ РФА. М., 2008. № 51. С. 193–196.

¹⁷⁸ РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 87. Стб. 645–658.

¹⁷⁹ РФА. М., 2008. № 24. С. 137–140; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 89. Стб. 671–674.

¹⁸⁰ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 272. С. 502–503; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 84. Стб. 631–634.

¹⁸¹ РФА. 2008. № 14. С. 108–110; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 83. Стб. 627–632.

¹⁸² Вероятно, тогда же был также составлен и новый извод Чина поставления (исповедальной грамоты) епископа, нареченного на архиепископию или епископию (РФА. М., 2008.

№ 15. С. 111–112).

¹⁸³ РФА. М., 2008. № 24. С. 137–140; РИБ. Т. 6. ПДРКП. Ч. 1. СПб., 1908. № 87. Стб. 645–658; № 89. Стб. 671–674;

¹⁸⁴ РФА. М., 2008. № 51. С. 193–196.

¹⁸⁵ Лишь позднее, уже при преемнике Ионы — митрополите Феодосии (Бывальцеве), в Москву под предлогом гонений со стороны митрополита-униата Григория бежал епископ Черниговский и Брянский Евфимий, которому великий князь Иван III предоставил убежище (РФА. М., 2008. № 52. С. 197–198). Впоследствии, когда на митрополичью кафедру был возведен архиепископ Суздальский Филипп, Евфимию была передана освободившаяся Суздальская кафедра.

¹⁸⁶ РФА. М., 2008. № 31. С. 154–155.

¹⁸⁷ Там же. № 34. С. 159–161.

¹⁸⁸ Имеются в виду вышеупомянутые игумены Вассиан Рыло и Кассиан.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 198.

¹⁹⁰ Обращает на себя внимание, что в новгородской «Летописи Авраамки», написанной при архиепископе Ионе, в рассказе о поставлении последнего на Новгородскую кафедру сказано, что он рукоположен «*всесвященным вселенским митрополитом Ионою Киевским всея Руси*» (ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 198), то есть митрополиту Ионе усвоен тот титул, который прежде употреблялся исключительно в отношении Патриарха Константинопольского.

¹⁹¹ РФА. М., 2008. № 34. С. 159–161.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 199.

¹⁹³ Тем не менее, когда в 1461 г. после кончины митрополита Ионы его преемником стал Феодосий (Бывальцев), в Москве была составлена присяжная грамота Тверского епископа Геннадия (Кожина) и Новгородского архиепископа Ионы, адресованная митрополиту Феодосию и Собору Русской митрополии, в которой оба указанных архиерея вновь обязались в верности преемнику Ионы и непризнании униата Григория (РФА. М., 2008. № 55. С. 201–202).

¹⁹⁴ Закрепившаяся в отечественной историографии традиция именовать первоиерархов автокефальной Русской митрополии 2-й половины XV—XVI вв. «митрополитами Московскими и всея

Руси» фактически является анахронизмом, так как официально этот титул почти никогда не употреблялся вплоть до времени учреждения в Москве патриаршества.

¹⁹⁵ Несмотря на то, что в Киеве сидели на княжении православные князья Олельковичи, продолжавшие считать своим митрополитом Иону, а не Григория, официальный титул последнего был: «митрополит Киевский».